ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Пятница, 20 августа 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР. № 45 (681)

Великая авиационная держава

День советской авиации — 18 августа — стал у нас подлинно всенародным праздником. Миллионы советских людей заполняют в этот день наши аэродромы и с чувством огромного восторга, гордости и любви следят за мастерской воздушной работой сотен и тысяч советских летчиков, парашютистов, планеристов.

День авиации стал праздником авиационного могущества великой социалистической страны, парадом великолепных достижений наших летных кадров и крупнейших успехов авиационной промышленности.

Советский Союз по праву зовется великой авиационной державой. Мы обладаем превосходной технической базой советской авиации — первоклассной авиационной промышленностью, созданной за годы сталинских пятилеток. Растущие изо дня в день кадры талантливых конструкторов и инженеров авиации ведут повседневную напряженную работу, давая стране все более совершенные самолеты и моторы, заслужившие мировое признание и славу. На наших советских заводах, из отечественных материалов, руками советских инженеров и рабочих строятся грозные истребители, могучие бомбардировщики, стремительные штурмовики, великолепные транспортные машины, учебные, спортивные, санитарные самолеты. За короткий период наша промышленность овладела сложнейшей техникой строительства моторов и самолетов всех необходимых типов, и сейчас она может дать стране столько боевых машин, сколько понадобится.

Неустанно и последовательно борется она за дальнейшее увеличение радиуса действий, скорости и высоты наших боевых и транспортных машин, обеспечивая реализацию девиза советской авиации — летать дальше всех, выше всех, быстрее всех.

Советская страна обладает лучшими в мире летными кадрами. Этого факта не смеют теперь оспаривать даже наши враги. 24 мировых авиационных рекорда завоеваны нашими героями-летчиками. Вызывающие огромное восхищение всего человечества полеты на Северный полюс и беспосадочные перелеты из Москвы в США через Северный полюс показали всему миру, что нет таких препятствий, которых не преодолели бы наши красные соколы, несущие на крыльях своих самолетов честь и славу своей социалистической родины.

Бесстрашные пионеры неизведанных трасс, соединяющие новыми путями материки, бескорыстные и героические бойцы науки и общечеловеческого прогресса, наши летчики показали всему миру лицо нового, социалистического человека, воспитанного великой партией Ленина — Сталина, взращенного социалистическим народом, несущего миру новую непобедимую культуру. Имена Чкалова, Громова, Водопьянова знают миллионы людей во всех уголках земного шара, их подвиги приветствуют повсюду, как образцы подлинного служения человечеству в его борьбе за покорение природы.

Простые советские люди, вышедшие из народных масс, осуществили вековые мечты передового человечества о прочном завоевании и изучении Северного полюса, о сближении стран и народов новыми кратчайшими путями, об освоении человеком огромных неисследованных просторов Арктики.

Последние годы были наполнены замечательными победами советской авиации. Это были победы большевистской организованности, сталинской закалки, величайшей любви к родине, которые присущи каждому советскому летчику. Это были победы социалистического строя и большевистской партии, вооруживших народы СССР могучей авиационной промышленностью и воспитавших орлиное племя героев-летчиков, защищающих дело мира, самоотверженно борющихся за торжество науки и культуры.

В эти годы за рубежами нашей страны летчики фашистских стран уничтожали безоружное население Абиссинии. Сейчас они бомбят беззащитных женщин и детей в Испании, убивают тысячи трудящихся Китая, вписывая в историю преступлений капитализма наиболее кровавые и отвратительные страницы. Их «победы» — бандитские налеты на мирные города, их «подвиги» — кошмарная жестокость, массовая смерть и разрушение огромных культурных ценностей. Авиация фашистских стран — это стая хищных стервятников, несущих на своих крыльях смерть, варварство и рабство.

Трудящиеся всего мира, все передовое и прогрессивное человечество может сделать и делает выводы из этих фактов. Оно проклинает озверевших фашистских варваров и их авиацию, оно восторженно приветствует и чествует крылатых посланцев страны социализма, где бы они ни появлялись.

Советский народ любит своих героев-летчиков, ценит и поддерживает своих конструкторов, инженеров и техников авиации. Каждый год в день 18 августа народные массы видят растущее могущество нашей авиации, готовой по зову партии и правительства разгромить любого врага, который осмелится напасть на социалистическую страну. Народы СССР знают, что советские летчики, советский воздушный флот бдительно и непоколебимо оберегают рубежи нашей родины, и солоно придется фашистским бандитам, если они захотят испытать на себе могущество авиации социализма.

Советская страна, весь ее народ ни на минуту не забывают о необходимости еще большего укрепления боевой силы нашей авиации, укомплектования ее преданными советской власти и коммунистической партии кадрами.

Наша молодежь горячо откликается на призыв Ленинского комсомола, подготавливающего совместно с Осоавиахимом без отрыва от производства 150 тысяч летчиков, которые взовьются в воздух тогда, когда правительство позовет их на защиту родины. Для молодого гражданина социалистической страны нет профессии более желанной, чем профессия летчика.

Молодые советские патриоты отдают все силы делу дальнейшего совершенствования нашего воздушного флота, чтобы вместе со всей Красной Армией он мог бить фашистского врага на его собственной территории.

Замечательный праздник 18 августа на Тушинском аэродроме, на аэродромах Ленинграда, Киева, Минска и других городов социалистической страны показал еще раз могущество нашего воздушного флота, под'ем нашей авиационной культуры, блестящий рост наших летных кадров. Он показал, что выпестованная великим Сталиным советская авиация стала могучей силой, грозной для врагов, любимой всем народом социалистической страны.



18 августа в Москве, на Тушинском аэродроме Центрального аэроклуба СССР им. Косарева состоялся авиационный праздник, посвященный Дню авиации. На снимке: руководители партии и правительства товарищи **Сталин, Молотов, Ворошилов, Микоян, Ежов, Буденный** на трибуне. (Союзфото).

Могущество, сила, отвага

18 августа на Тушинском аэродроме

День авиации — это праздник не только героического крылатого племени, воспитанного великим Сталиным.

День авиации — это праздник всего советского народа. Страна любит и чтит свою авиацию. Она видит в ней выражение своего роста, могучее средство защиты, обороны от врагов. Страна знает, что она сильна в воздухе своими самолетами, своими летчиками.

Вот почему сотни тысяч людей потянулись к обширному полю Тушинского аэродрома. Но обширное поле оказалось тесным. Людская лавина заполнила все близлежащие районы.

800.000 трудящихся пришли на праздник, чтобы насладиться гордым сознанием могущества своей родины и приветствовать мощь, силу и мастерство своих лучших сынов-соколов, отвоевавших для советской авиации передовое место в мире.

Праздник начался.

В правительственную ложу Центрального аэроклуба входят товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Ежов, Микоян, Хрущев, Чубарь, Буденный, Булганин, Егоров.

Незаметно оторвавшись от зеленого ковра-поля, плавно уплывает в высь первый воздушный шар...

На нем портрет товарища Сталина.

И тотчас бескрайний аэродром наполнился восторженными возгласами и приветственными рукоплесканиями человеку, имя которого — символ мощного роста и побед страны социализма.

Еще один шар поднялся над полем. На нем портрет товарища Молотова.

Еще один, еще и еще поднимаются над летным полем шары с портретами товарищей Калинина, Ворошилова, других членов Политбюро и ЦК ВКП(б).

Ни на минуту не смолкают восторженные клики; советский народ радостно приветствует своих любимых вождей.

Восемьсот тысяч человек следят за тем, как быстро и четко отрываются от земли учебные самолеты, ведомые пилотами аэроклубов, авиационной молодежью, так называемыми «любителями», обучившимися летному мастерству без отрыва от производства. Этой бригадой руководит майор **Смуров.**

Но слово «любитель» наполнено новым содержанием. Это не недоучка, развлекающийся в часы досуга. В легкости отрыва машин от земли, в исключительной четкости строя самолетов чувствуется крепкая рука на штурвале самолета. Мастерство пилота-любителя не ниже мастерства профессионала, оно также опирается на всестороннее знание авиационной техники и летного дела.

Зрители не успели проводить взором самолеты бригады майора **Смурова**, как с аэродрома рванулись самолеты-тягачи, буксирующие планеры. У каждого тягача — три планера. Самолеты еще бегут по земле, а легкокрылые стрекозы-планеры уже парят в воздухе. Самолеты взвились в высь, продефилировали над аэродромом, набирая высоту.

Все выше и выше...

Мгновенье, и нетерпеливые стрекозы, оторвавшись от буксирных самолетов, ринулись вниз сложными, изумительными фигурами.

Мастер советского планеризма тов. **Ильченко** переворачивает планер и вниз головой летит через весь аэродром; три планера, точно связанные невидимыми нитями между собой, делают групповую петлю, кружатся быстрой и изящной каруселью, точно аисты, стремящиеся схватить клювом хвост передней птицы. Это тройка планеристов Красной Армии — **Боруздин, Крехов** и **Сухомлинов.**

Четко садятся планеры перед аплодирующими трибунами, а над полем уже стремительно проносятся новые двухместные машины. Они идут то бреющим полетом, то вдруг, как по команде, свечой подымаются вверх к бескрайнему голубому небесному шатру. Они делают «бочки», петлят, летают вверх колесами. Машина беспрекословно подчиняется властной руке этих искусных пилотов. Десятки самолетов делают одни и те же фигуры, точно одна рука управляет их рычагами.

Это мастерство группового пилотажа. Руководит им старейший летчик-испытатель т. **Пионтковский.** Машины ведут лучшие летчики — **Викторов, Даниповцев, Дымов, Ястребов.**

Отряд за отрядом вылетают из-за насыпей канала Москва—Волга пассажирские самолеты. Наглядно демонстрируется рост нашей гражданской авиации от старых заслуженных самолетов «П-5» до мощных, комфортабельных гигантов «АНТ-35».

Проносится над летным полем самолет конструкции Ильюшина. Двухмоторный скоростной самолет гонит в небесную высь известный стране и любимый народом пилот **Коккинаки.** Он на тяжелом самолете делает петли, глубокие виражи, боевые развороты с поразительной легкостью.

Глядя на это искусство, не веришь, что человечество еще совсем недавно научилось летать. Кажется, что Коккинаки владеет многовековой культурой летного дела. А ведь Коккинаки почти ровесник авиации — они однолетки.

Откуда же такое мастерство? Где черпают гордые соколы мужество, отвагу, выдержку и настойчивость, чтобы так беспредельно властвовать в воздушных просторах?

...Горячо и взволнованно аплодирует восьмисоттысячная аудитория. В этом приветственном гуле выражена сила нашей страны, непрерывно рождающей героев, людей, преодолевающих любые трудности во имя своей социалистической родины.

Резкая сирена взвыла, предупреждая о том, что начался воздушный «бой». В 17 часов пост № 73 сообщил, что на северо-востоке замечены три «вражеских» разведчика.

Почти без разгона оторвались от земли четыре истребителя. Медленно повернулись в сторону приближающегося «врага» дула тяжелых зенитных орудий, вытянули свои хоботы зенитные пулеметы, насторожились звукоуловители.

Четыре истребителя должны найти, догнать и сбить вражеские самолеты! Но скоростные разведчики «противника» успели прорваться. Они уже над аэродромом. Оглушительно вздохнули пушки, застрекотали пулеметы. Ястребами набросились истребители на разведчиков.

20 минут шел бой. И в эти двадцать минут советская авиация показала свою силу, свою мощь, совершеннейшее искусство в кратчайший срок разгромить, уничтожить, стереть с лица земли ненавистного врага, если он только посмеет, дерзнет напасть на свободную счастливую крылатую страну.

Час этого нападения будет последним часом вражеского существования!

Ибо непобедим вооруженный советский народ, готовый к любым боям за свою родину, за социализм.

Четко выстраиваются в небе десятки самолетов, образуя великое имя:

«Ленин».

Имя — символ торжествующего пролетариата, имя — знамя победившего народа, имя — знак растущей мощи Великой социалистической страны.

...Точно блестящим бисером на голубом атласе вышито в небе любимое имя:

«Сталин».

Имя — олицетворение могущества и стальной силы страны, любимое имя, дорогое и близкое трудящимся всего мира. Оно, казалось, парило над земным шаром, как знамя, призыв к борьбе и великим победам.

Аэродром гудел, аплодировал, страстно и горячо выражая свою беспредельную любовь и преданность гениальному вождю, учителю и другу.

Самолеты развернулись и вновь построились четырьмя буквами:

«СССР».

Так в воздухе отважные соколы громко, на весь мир сказали, во имя чего покоряют они стихию и пространства, во имя чего овладевают искусством летного дела, во имя чего готовы они ринуться в бой в любую секунду, в любое мгновение.

Отряд за отрядом поднимались вновь и вновь быстрокрылые самолеты. Старший лейтенант **Супрун** искусно продемонстрировал полет инструктора с учеником. Это была своего рода пантомима в воздухе, актерская инсценировка трудовых будней нашего воздушного флота, воспитывающего молодые кадры.

Звено истребителей Героя Советского Союза товарища **Рычагова** показало искусство исчерпывающего овладения самолетом.

Пять летчиков: **Николаев, Табаровский, Романов, Супрун и Раков** совершили на истребителях все фигуры высшего пилотажа.

...Проплыли над аэродромом могучие четырехмоторные корабли, за ними — гиганты-самолеты, подобные тем, которые летали на Северный полюс.

И вот расцветилось небо голубыми, розовыми, сиреневыми куполами парашютов.

Медленно опускался десант мужественных, отважных парашютистов.

Стремительно неслась к ним восторженная овация народа, воспитавшего смелых покорителей воздуха и мировых пространств.

Крылатый народ приветствовал своих крылатых сыновей, их отвагу, могущество и готовность отразить нападение любого врага.

Праздник окончен.

Народ расходился с поля довольный и уверенный:

— Такие люди, сыны такой страны не знают и не могут знать поражений!

От Правительственной Комиссии по организации перелетов Москва — Северная Америка

19 августа радиосигналов с самолета «Н-209» не принято.

Ледокол «Красин» продвигается к северу от Аляски. 19 августа в полдень по московскому времени он находился на западной долготе 160 градусов и широте 71 градус, идет в густом тумане среди льда, доходящего до 8 баллов.

Летчик Задков задерживается в Уэллене из-за тумана как в Уэллене, так и на м. Барроу (Аляска), его ближайшей цели. Летчик Грацианский прилетел в Дудинку, летчик Головин — в Тюмень.

По поручению Советского Правительства Главсевморпуть через Амторг приобрел в Америке большой гидроплан фирмы «Консолидейтед», который примет участие в работах по розыску под управлением известного американского полярного исследователя Вилкинса.

День советской авиации в Парке культуры и отдыха им. Горького

В Центральном парке культуры и отдыха им. Горького 18 августа состоялось большое массовое гуляние, посвященное всесоюзному Дню авиации.

На площади Пятилетки и в прилегающих к ней аллеях была организована выставка самолетов и авиамоторов новейших конструкций. Здесь же демонстрировалась работа с парашютами.

Над парком поднялся дирижабль, и были пущены шары-зонды.

С большим успехом прошли 18 августа устроенные в парке беседы о достижениях нашей авиации.

На культбазе парка состоялся литературный вечер, на котором артисты прочли отрывки из книги «Летчики», выпускаемой издательством «Авиационной газеты».

Закончился праздник большим многотысячным митингом в Зеленом театре.

Массовые гуляния, посвященные всесоюзному Дню авиации, были проведены также в парках культуры и отдыха им. Бубнова (Сокольники), им. Дзержинского (Пушкинское) и других.

Радиофестивали народного творчества

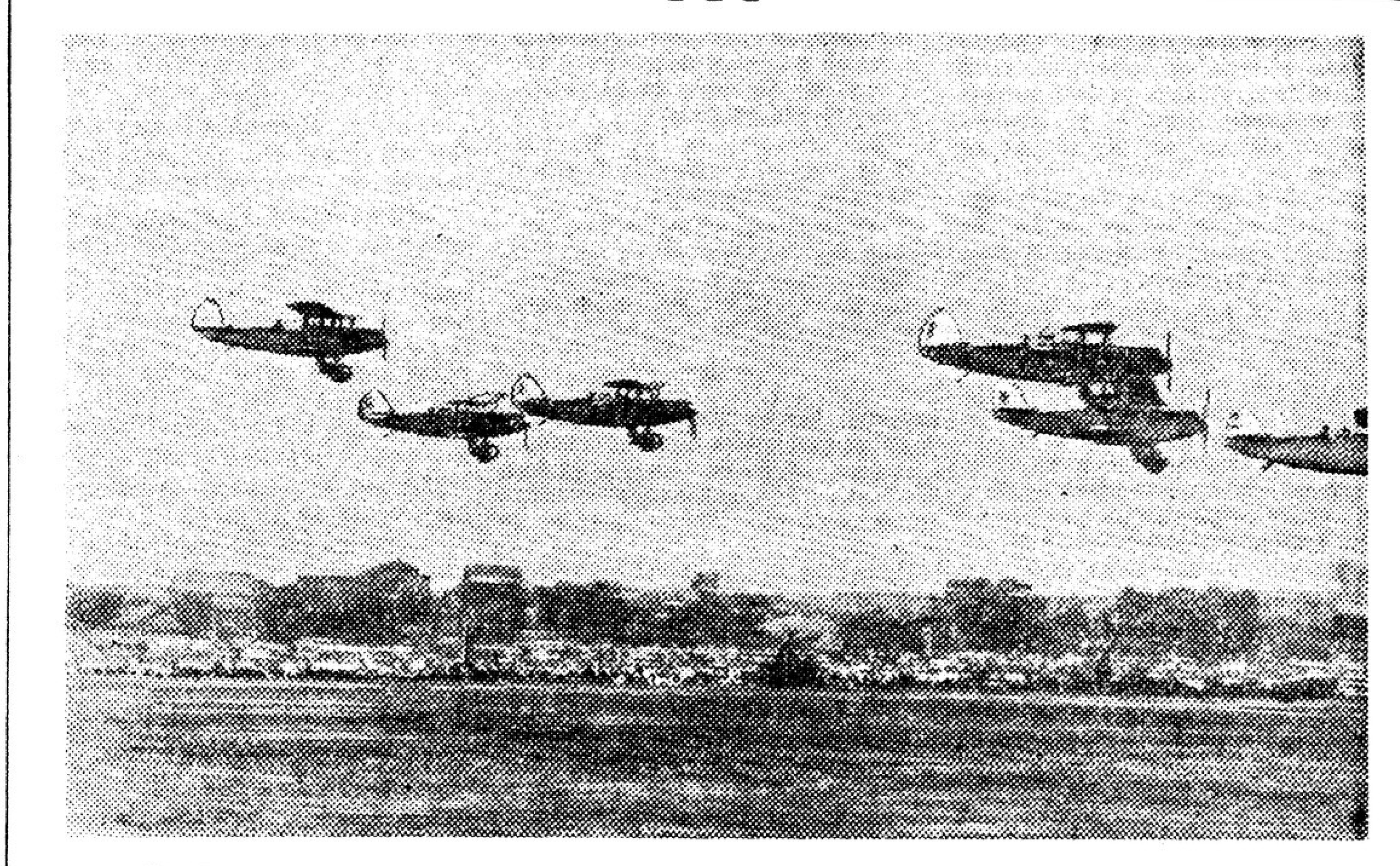
В дни празднования XX-летия Октябрьской социалистической революции из Москвы будут транслироваться по СССР выступления солистов, коллективов и ансамблей, премированных на местных фестивалях народного творчества.

В организацию фестивалей, проводимых Всесоюзным радиокомитетом, сейчас включились 35 радиокомитетов страны. Радиофестиваль в Иошкар-Ола открылся 15 августа выступлением самодеятельного хорового кружка колхоза «Мустай», Сернурского района. Всего в радиофестивале, проводимом в Марийской АССР, участвует 37 лучших национальных коллективов колхозной самодеятельности с 700 исполнителей.

В ближайшие дни начинаются фестивали в Крыму, Казахстане, Саратовской области и Узбекистане. Во время фестиваля, проводимого узбекским радиокомитетом, будут исполняться новая узбекская симфония композитора Мушель, «Эгмонт» Бетховена. У микрофона выступят также народный поэт-сказитель Абдулла Шаир и хор, исполняющий новую узбекскую песню, посвященную XX-летию Октября.

С 15 сентября по 10 октября центральное жюри, состоящее из видных специалистов по фольклору и музыковедов, произведет отбор лучших участников местных радиофестивалей.

На Тушинском аэродроме в День авиации. На снимке: момент приземления группы парашютистов. (Союзфото).



На Тушинском аэродроме в День авиации. На снимке: группа самолетов над аэродромом. (Союзфото).

А. АРШАРУНИ

«Мечты Алатоо»

Коллективная поэма акынов и поэтов Киргизии

Нет в Советском Союзе народа, певцы, поэты и сказители которого не создали бы песен и поэм о великом Сталине.

Замечательные и волнующие песни сложены за годы революции о родине, о Ленине и Сталине. Среди этих песен и поэм выделяется коллективная работа акынов и поэтов Киргизии, посвященная I с'езду коммунистической партии (большевиков) Киргизии и великому вождю всех народов товарищу Сталину.

До появления поэмы «Мечты Алатоо» были опубликованы письма в стихах грузинского, белорусского, киргизского народов, туркменских джигитов и других народов, написанные поэтами и певцами их. В этих письмах товарищу Сталину рассказывалась история народа, его побед, одержанных за годы Великой Октябрьской революции, они рассказывали о готовности бороться за дело Ленина—Сталина, за торжество коммунизма.

Эту же идею развивает коллективная поэма киргизских акынов и поэтов.

Авторы поэмы использовали фольклорный материал, богатейшее народное творчество Киргизии, ярким образцом которого является «Манас». Простота и ясность поэтических образов, подкупающая непосредственность, четкость сюжетных линий делают поэму общедоступной. Достоинством поэмы является и то, что каждый раздел (их в поэме — восемь) имеет сюжетную законченность.

Поэма «Мечты Алатоо» — история киргизского народа:

Я малаем у бая был,
Я за стадом большим ходил.
Чтобы каждый баран был сыт,
Сам я изредка ел и пил.
Чтобы каждый баран гулял,
Чтобы волчьих зубов не знал,
Чтобы мог он спокойно спать,
Сам я редко лежал и спал.

Бедняк-пастух, сын киргизского народа, имел жену, детей, юрту и тулуп, который носил «сорок зим и столько же лет».

Замечательный был тулуп,
Но характер имел дурной:
До упада он летом грел,
Но тепла не давал зимой.

В бедности и нищете жил народ со дня рождения до последнего вздоха. Но он был богат мечтами:

Даже в самый большой сундук
Трудно было бы их сложить.
Потому я всегда мечтал,
Что и бедным хотелось жить!
Как весною в горах река,
Протекали мои мечты...
Если хочешь, припомню их,
Но внимательно слушай их.

Так начинается вступление к поэме.

О чем мечтал киргизский народ? В первых четырех песнях содержатся не только мечты народа, но и отдельные, яркими красками нарисованные эпизоды его истории.

Песни и сказки киргизского народа часто говорят о полетах.

Долго на небо я смотрел,
Облака все летят вперед,
И тогда захотелось мне
Испытать, как они, полет.

Народ мечтал проникнуть внутрь высоких гор, окружающих страну, и разгадать тайну их сокровищ. И только в мечтах он мог себе это позволить.

Но народ мечтал и о том, чтобы быть сытым.

Вот как представлял бедняк и батрак киргиз будущее общество:

Пели они, и цвел миндаль,
Над арчею цвел урюк,
Вишни с яблонями сплелись,
Осыпали плоды вокруг...
А вокруг было много юрт,
Возле них — пастухи, как я,
Только сытые все, пасли
Кто барана, а кто коня.

Мечты о счастливой, зажиточной, свободной жизни осуществились в результате борьбы за социализм под руководством партии Ленина — Сталина.

Проходят первые годы революции, наступают дни сталинских пятилеток, — не узнать теперь страну, вчера бедную, недавно закабаленную. Не узнать также людей, вчерашних батраков-пастухов, теперь — полновластных хозяев страны.

Киргизия стала союзной республикой. Необычайные перспективы открылись перед киргизским народом.

Не мечты предо мною летят,
И не выдумки, и не сны:
Вижу будущее свое,
Вижу будущее страны.

В последней песне поэмы, эмоциональной, захватывающей своей уверенностью и мощью, киргизский народ мечтает уже по-новому.

Я мечтаю, но знаю я,
Что на родине золотой
Будет деревом и цветком
То, что я называл мечтой.
Ведь теперь у народа есть
Счастья солнечные цветы,
Ведь теперь у народа есть
Превращенные в жизнь мечты.
Ведь теперь у народа есть
Алатоо родной простор,
Ведь теперь у народа есть
Сталин—выше великих гор!

Коллектив акынов и поэтов — Калык Акиев, Абда Байсалбаев, Джоомырт Боконбаев, Виктор Винников, Кубанычбек Маликов, Молдобысан Мусульманкулов, Алы Токомбаев, Актан Тыныибеков и Акымкул Усенбаев — создал прекрасную поэму. В ней как бы подводится итог мечтаниям киргизского народа, нашедшего свое почетное место в семье счастливых народов Союза ССР.

Поэма заслуживает быть изданной массовым тиражом. Но нам кажется, что русский перевод всей поэмы сделан довольно слабо.

Перевод на русский язык поэмы «Мечты Алатоо» надо пересмотреть, а может быть и сделать заново.

На языках народов СССР

Гигантский культурный рост широчайших масс Советского Союза находит свое выражение в самых разнообразных формах.

Одним из наиболее ярких показателей этого роста служит огромный спрос на художественную литературу, издаваемую на языках народов СССР.

Наравне с национальной классической литературой издательства братских республик выпускают ежегодно многотысячные тиражи переводных произведений мировой классики. Множество новых переводов Пушкина, Гоголя, Чехова, Горького и других классиков появилось за последнее время.

★

На таджикском языке вышли «Пиковая дама», «Дубровский» и «Повести Белкина», составляющие три иллюстрированных, хорошо оформленных томика.

★

На узбекском языке издан ряд произведений великого пролетарского писателя А. М. Горького. Отдельными изданиями вышли: «Мать», «Детство», «Мои университеты» и «Дело Артамоновых». Готовятся к печати «В людях» и «Егор Булычев».

★

Произведения Горького издаются на грузинском языке. Государственное издательство Грузии выпускает 10-тысячным тиражом «Детство». В ближайшее время в этом издательстве выходит «Мать» Горького, в переводе С. Клдиашвили, и биография великого пролетарского писателя.

★

К двадцатилетию Великой пролетарской революции в Казахстане будет выпущен литературный альманах, в который включены басни Крылова на уйгурском языке. Уйгуро-дунганская секция при союзе писателей Казахстана проделала в этом направлении большую работу.

★

Бессмертная поэма Фирдоуси «Шахнамэ» переводится на казахский язык. Над переводом поэмы работает известный казахский акын Турмагамбет Изтелеулов. Он перевел уже несколько тысяч стихотворных строк. Поэма будет издана в хорошем оформлении в государственном издательстве Казахстана.

★

На чеченском языке выходят сказки «Тысяча и одна ночь», выпускаемые государственным издательством Чечено-Ингушской АССР.

А. МАКАРЕНКО

Рассказы о простой жизни

Владимир Козин рассказывает о жизни предельной простоты. В ее течении как будто так мало разнообразия, что автору приходится на каждом шагу возвращаться к одним и тем же предметам, к одним и тем же мизансценам, к одному и тому же ряду картин: пустыня, овцы, собаки, солнце, ишак, луна, снова овцы, снова луна и собаки. В таком простом мире живут и работают люди: директор овцеводческого совхоза Метелин, зоотехник Кулагин, старики-пастухи и пастухи молодые, студенты-практиканты Орешкин и Наташа.

В их жизни происходят события, сущность которых вовсе не так проста: трагическая смерть сына Метелина, раздавленного трактором, «трещинка» в личном счастье Наташи, полный героизма закат столетнего бродяги-пастуха Белудж-Хана, бежавшего из Ирана и только перед смертью нашедшего для себя и своего сына приют в стране Советов.

Но и об этих событиях Козин рассказывает с такой суровой, лаконичной простотой, что и самый их трагизм как-то уместно размещается среди аксессуаров пустыни, среди песчаных долин, жаркого солнца, овечьих стад и стерегущих стада собак.

Повесть Козина заканчиваешь с некоторым даже удивлением: что-то случилось, что-то такое важное сказал автор, что-то близкое.

В сдержанной, благородной манере автора много таланта. Я в особенности хочу подчеркнуть это утверждение. И этот талант не имеет вида сырой глыбы.

Козин умеет заставить читателя не только переселиться в будни пустыни, но и полюбить все, что там происходит.

Это уменье у Козина свое, особенное, которое нельзя передать в простом пересказе, которое все заключено в стильные и строгие рамки его писательской индивидуальности. Его текст местами так прекрасно сделан, что у меня возникает большое желание цитировать большие отрывки, но и такой показ не достиг бы цели, потому что у Козина существует очень сильная сюжетная струя под текстом, в некоторых местах эта особенность его композиции настолько тонко выражается, что основная тема как бы прячется от глаз читателя, и требуется большой эстетический навык, чтобы ее увидеть.

Так изображен, например, образ Наташи. Ему посвящено всего шесть страниц.

Автор почти не касается душевного самочувствия Наташи. Читатель должен увидеть его в ее словах, поступках. Они изображаются на том же фоне жизни в песках, где все так просто и так понятно. Вот Наташа перевязывает руку подпаску Кадыру, которого поранил плененный волк. Наташа горячо отзывается на несчастье Кадыра, шутит, улыбается. Автор умеет в замечательном ритме деталей показать девушку в обстановке пастушеского быта пустыни:

«Одиннадцать щенят побежали вслед...»

«Голос возник в темноте, удивленный и звонкий. Одиннадцать щенят торопливо слизывали с песка разбрызганную кровь».

«Три толстых щенка перелезли через порог землянки и, испугавшись, выкатились обратно».

«—... Наташа улыбнулась[1] Кадыру. «Не цепляйся с волками!» — Она присела на песок и набрала в колени щенят».

Эти щенята как будто нарочно привлечены, чтобы самым милым образом подчеркнуть и умиротворить жизнь. И Наташа среди них, в несложных проявлениях этой жизни, кажется счастливой, радостной и прелестной в своей радости. Автор только мимоходом, в отдельной, как будто случайной строчке приоткрывает какую-то истину, может быть, даже и не важную. Вот Наташа заигралась с ишаком и вспоминает Орешкина, своего мужа:

«Как они похожи, — прошептала Наташа...»

Читатель о чем-то начинает догадываться, но автор, как ни в чем не бывало, рассказывает дальше:

«Ишак круто повернулся и поволок Наташу за собой. Это ему понравилось. Он стал крутиться. Наташа, не выпуская платка, летала, откинувшись, вокруг упрямца. С ноги ее слетела туфля. Она смеялась и кричала.

На крик прибежали одиннадцать щенят...»

Прибежали эти самые щенята, и читатель снова спокоен. Все благополучно у хорошей, симпатичной, живой Наташи. Она начинает хлопотать, чтобы достать воды для подсосных овец. Это очень сложно. Никто не хочет ей помочь, она сама пытается достать воду из глубокого колодца, роняет тяжелое кожаное ведро и смущена, и деятельна, спускается на дно колодца, задыхается, ее вытаскивают в обмороке. Попытки других достать это ведро так же оканчиваются неудачей. Только прискакавший на белом коне красивый и удачливый Сафдар Али достал ведро.

«Сафдар Али выпрыгнул из колодца. Наташа обняла его и поцеловала. Пастухи засмеялись».

И этот случайный поцелуй проходит мимо читателя почти, как шутка. Только постепенно автор показывает ничтожество Орешкина и дает основание читателю о чем-то догадываться. Но Наташа рассказывает пастухам сказку о рыбаке и рыбке, и читатель снова любуется Наташей и не хочет думать о каких бы то ни было ее душевных ранах.

Рассказ Наташи о рыбаке и рыбке и отзывы слушателей сделаны Козиным в таком ярком плане, что читателю и в голову не приходит, что в это самое время Наташа страдает от неудовлетворенности своей личной жизнью, от тоски жизни рядом с ленивым, пустым Орешкиным. Только когда этот Орешкин говорит Наташе:

«Иди, стели постель, давно пора тебе спать. Все бродишь, блох набираешься»,—

читатель начинает ощущать подземную сюжетную линию и понимает, почему Наташа обращается к ишаку с такими словами:

«Счастье бывает и с трещинкой».

Гораздо проще и доступнее рассказана история Белудж-Хана. Столетний пастух, только к концу жизни прибившийся к советскому берегу, нашедший здесь смысл жизни, покой и долг перед людьми,—тема незаурядной трудности, и Козин рассказывает о старике без усилий, просто и мудро, тем же лаконичным языком большой и скромной человеческой любви.

В повести Козина есть и небольшие срывы, может быть, только потому заметные, что они происходят на слишком хорошем фоне, автор сам заставляет читателя быть к нему очень требовательным. К таким срывам я отношу несколько фарсовую завязку истории с Кулагиными. Муж возвращается из поездки по степи, жена ожидает его с любовью, но он немедленно должен уезжать. Несколько часов, оставшихся в распоряжении супругов, заполняются досадными посетителями. Подбор этих посетителей, их разговоры и шутки автором сделаны небрежно.

Еще раз повторяю, все это бросается в глаза только на фоне литературной удачи автора.

Я не сомневаюсь, что в манере рассказа и мироощущении Владимира Козина заложены чрезвычайно большие возможности. Его «Рассказы о просторе» вызывают чувство настоящей литературной радости.

Но совершенно необходимо, чтобы автор перешел к темам более сложным и социально широким. В «Рассказах о просторе» больше хорошего зрения и хорошего слуха, чем мысли и анализа. Поэтому собаки, ишаки, ягнята часто выступают в таком же стильном антураже, как и человек, и автор встречает их с такой же большой симпатией. В описании пастушеской жизни это не вызывает особенной диспропорции, но хочется пожелать Козину, чтобы он не ограничивался только пастушеской жизнью.

Нельзя скрыть того, что в том виде, как эта жизнь описана у Козина, это все-таки примитивная жизнь, и даже Метелин и зоотехник Кулагин не избежали признаков примитивности. Надо, чтобы свой свежий талант Козин проверил на темах более сложных.

В. Козин, Рассказы о просторе. «Красная новь», № 6., 1937 г.

[1] Кстати в журнале «Красная новь» напечатано: «Наташа улыбнулся»—одна из опечаток, столь нередких в журнале «Красная новь».

Героический экипаж самолета «АНТ-25» **Михаил Громов, Сергей Данилин и Андрей Юмашев.**
Рис. худ. А. Яр-Кравченко. (Плакат Изогиза)

В. АНОВ

«Поколен-Борода и ясные соколы»

На севере Советского Союза, на побережье Белого моря, в деревне Нижняя Золотица живет талантливая исполнительница русских эпических песен Марфа Семеновна Крюкова.

Имя Крюковой широко известно на севере и далеко за его пределами. Фольклористы называют Крюкову классиком северного былинного фольклора и ставят ее в один ряд с Т. Г. Рябининым, Г. А. Якушовым, М. Д. Кривополеновой.

Наделенная удивительной памятью и ярким поэтическим дарованием, Марфа Семеновна не только знает более сотни старых, слышанных ею еще от матери, деда и бабки (они также были незаурядными сказителями) былин, но и слагает новые сказания. Темы и сюжеты их она черпает из нашей богатой, замечательной действительности.

Одна из последних эпических поэм Крюковой посвящена взволновавшей три года назад весь мир челюскинской эпопее.

Поэма называется «Поколен-Борода и ясные соколы». В начале ее рассказывается, как готовились челюскинцы в дальнее плавание, рассказывается о цели экспедиции:

«Снаряжал-то Сталин черне́ный
большой ка́рабель,
Большой ка́рабель, славный
ледоход.
Садил-то на него ученых людей,
людей мудрых,
Говорил-то им таковы речи:
«Уж вы, добрые молодцы, ученые
да премудрые,
Вы пройдите все море ледовитое,
Дойдите до самого моря дальнего,
Проверьте все моря как следует!
Вы откройте путь-дороженьку
прямоезжую,
Проглядите там, как пройти туда,
Чтоб переезд-переход был-то
скорый
В ту сторонушку дальневосточную
К самому-то бога́тырю ко
Блюхеру!»

Товарищу Сталину отвечает начальник экспедиции Поколен-Борода — Герой Советского Союза Отто Юльевич Шмидт. Сказительница подробно описывает этого легендарного человека:

«Поколен-Борода начальничек
голо́вный,
Борода у него очень длинная,
Очень длинная да очень черная,
От ветра она, как волна,
колыбается...
Из простых людей да был же
мудрый он,
Был-от мудрый да ученый он,
Смышленный во делах же был,
Во всем-то был догадливый,
Смелость-то была богатырская,
А подвиги-то словно рыцарские».

Поколен-Борода говорит об опасностях похода и вместе с тем выражает твердую уверенность в благополучном исходе экспедиции.

«Нам не страшны будут волны
окиянские,
Нам не страшны будут ветры
буйные,
Нам не страшны будут ночки
темные.
У нас не мала дружинушка
хоро́брая,
Она пройдет, пробьет же льды
морозные...»

Далее сказительница повествует, как собирался корабль в плаванье, как отошел он «от града-Ленина», как повел его «карабельщичек бывалый же» сначала через «ближне море», затем через «окиян-море».

Много ночей и дней плывет корабль. «Птицей легкою, морскою чайкою» летит он к «приметочке» — бережку крутому, на котором «сам Блюхер стоит, богатырь геройский».

Здесь автор прерывает нить повествования и рисует портрет советского богатыря — Блюхера, стоящего на страже границ Советской страны.

«Он стоит на заставе на великой
в латах богатырских,
Он стоит да высматривает,
Чтоб ни птицы пролетные, ни звери
мо́рские,
Ни волки рыскучие, ни гады
ползучие,
Из чужих земель чтоб по морюшкам не прошли,
А горою не проехали».

Корабль уже близок к цели. Но «пала зима раньше сроку зимнего», и морякам приходится остаться в открытом море. Однажды поднялась над судном «туча темно-грозная». Она закидала его льдом. «Пошатался карабль да с боку на бок» и сел на морское дно.

Очутившись на льдине, отрезанные водой от земли, вдали от человеческого жилья, челюскинцы не растерялись. Они знают, что «товарищ Сталин не бросит человека». Они ждут помощи. Уверены в спасении моряков их родные и весь народ.

«Есть у нас наде́я великая,
Наде́я великая — наш вождь
дорогой», —

Он «спасет-то их повыручит, из неволюшки повыведет», — говорят они.

Товарищ Сталин призывает к себе ясных соколов — советских летчиков.

«В наших землях народ до́рог
есть,
Каждый-то у нас во вниманьици»,
—говорит великий вождь ясным соколам.

Над высокими горами, непроходимыми лесами, нежилыми пространствами спешат на помощь к челюскинцам ясные соколы. Ничто не может их остановить — ни свирепые ветры, ни жестокие морозы, ни пурга, ни бураны.

Летчики прилетают на льдину. Они привязывают моряков кушаками «ко крылышкам, ко перышкам птицы-сокола» и возвращаются в Москву, «на славну, на прекрасну Красну Площадь».

Поэма оканчивается описанием встречи челюскинцев в Москве.

«Тут встречал-то их народ
из разных племеней,
Из разных племеней, из разных
землюшек.
По всем славным улицам по
московским
Шел народ со старого до малого,
Шел народ со знаменами,
Со прекрасными со цветами».

Поэму М. С. Крюковой «Поколен-Борода и ясные соколы», а также сказание о герое гражданской войны Чапаеве «Чапай» Гослитиздат выпускает к 20-летию Великой пролетарской революции.

«Полюс наш»

Новые книги для детей

— Полюс наш! — повторяют с гордостью граждане советской страны — от мала до велика.

И каждый из них — взрослый и ребенок — хочет знать до мельчайших деталей все обстоятельства этого всемирно-исторического события, представить себе в живой плоти повседневных мелочей бесстрашных героев, завоевавших мировую славу своей родине.

Б. Белогорский и С. Зенин взяли на себя задачу рассказать об этом детям.

«В этой книге,—пишет в своем предисловии к ней флаг-штурман экспедиции, Герой Советского Союза комбриг И. Спирин,—читатели познакомятся с руководителями экспедиции, ее пилотами и отважной четверкой, оставшейся на льдине. Шмидт, Водопьянов, Молоков, Алексеев, Бабушкин, Головин, Папанин, Кренкель, Ширшов, Федоров — все эти замечательные люди обрисованы в книге с большой теплотой и правдивостью.

Взволнованное описание дней экспедиции правильно передает читателю тот под'ем и то внимание, которые чувствовали мы, участники экспедиции, во время пребывания на крайней точке земного шара».

Эту книгу, выпускаемую Детиздатом ЦК ВЛКСМ под редакцией профессора Н. Н. Зубова, авторы назвали — **«Полюс наш»**.

★

Журналист-орденоносец Э. Виленский, участник исторической экспедиции на Северный полюс, по предложению Детиздата написал для малышей книгу **«16 дней на полюсе»**. Это — доступный детям рассказ об экспедиции, обильно снабженный фотоиллюстрациями.

Книга уже сдана в печать.

Н. СЛАВСКИЙ

Воспитание воли

Исполнилось двадцать лет славной работы Героя Советского Союза Михаила Михайловича Громова в авиации. Двадцать лет упорного труда по овладению сложнейшим искусством самолетовождения.

Овеянный мировой славой, возвращается в Москву доблестный и отважный сталинский питомец, готовый к новым подвигам и завоеваниям во славу своей социалистической родины.

На приветствия из Москвы М. М. Громов ответил из Парижа краткой телеграммой:

«Стремлюсь, чтобы в ближайшие два года, никак не больше, все авиационные рекорды принадлежали СССР. Для этого есть все возможности».

Редко бывает так, чтобы человек с юношеских лет твердо определил свою профессию. Обычно юношеские годы — это годы исканий, это «драма грез и драма жизни», так щедро использованная старой русской литературой.

Михаил Громов — счастливец. У него не было драмы поисков, не было драмы творчества и драмы жизни. На заре юности он определил свой жизненный путь. В 14 лет на вопрос: «Кем мечтаешь быть?» — Михаил отвечал: «Летчиком». В 19 лет он стал им.

Михаилу было 14 лет. Он выскочил из-за придорожного кустарника на Троицкий проезд. В руках держал странное сооружение.

— Робя, Мишка саранчу несет!

Но на лосиногорском выгоне «робя» поняли, что это не саранча.

Мишка закрутил резиновый шнур маленького пропеллера, поправил гвоздь-центровку и пустил в воздух свою птицу. Она взмыла в вышину, пролетела шагов пятнадцать по прямой, затем вздрогнула, дернулась вверх и стремительно упала в траву.

— Ястреб! — заключил подпасок-наблюдатель.

— Не ястреб, а аэроплан, — назидательно об'яснил рослый паренек.

Кратковременен юношеский порыв! Обычно это вспышка, яркое, но быстро угасающее пламя. Почему оно не угасло в груди Михаила Громова? Мы задали этот вопрос Любови Игнатьевне, руководившей воспитанием сына. Она улыбнулась и развела руками:

— Такой уже он был у нас!

Удача «преследует» Громова, но никогда она не вызывает в нем и тени успокоенного благополучия.

Прошлое Громова — это годы борьбы Михаила Михайловича за воспитание воли, за полное овладение самим собою.

Прожитое — это годы неустанной работы Михаила Михайловича в коллективе и на коллектив, нормальная трудовая жизнь, в которой воспитывается мужественный, волевой, здоровый человек.

Книжная полка Миши Громова, ученика реального училища, была такой же обычной, как и у его товарищей. Тут был и Майн-Рид, и Конан Дойль. В учебнике по математике лежала припрятанная книжонка о похождениях Нат-Пинкертона.

В столовой за вечерним чаем Миша внимательно слушал вспыхивавшие споры между старшей сестрой Софьей Михайловной и матерью — Любовью Игнатьевной. Спорили о Герцене, спорили о Чернышевском. Беседовали о «Герое нашего времени» Лермонтова.

Он внимательно слушал рассказы об этих сильных, волевых людях. Он искал книги, посвященные им. Читал, думал.

Однажды Михаил поразил сестру. Он не согласился признать «Героя нашего времени» — героем.

— Я не спорю, твой герой — человек сильной воли, — кричал Миша.— Он отважен, не бледнеет ни перед какой опасностью. Это хорошо. Но зачем он ищет бури и тревоги? Так, без всякой цели расходует себя? Твой герой владеет собой, но он пустой и ему нечем заполнить пустоты!

Тут Миша ударил ладонью по столу и локтем опрокинул чашку с чаем.

Любовь Игнатьевна укоризненно посмотрела на сына:

— Люди сильной воли, — сказала она, — всегда владеют собой и не машут руками даже тогда, когда что-либо доказывают!

Книга сыграла в воспитании Михаила Михайловича определенную, но не решающую роль.

— Нет! Миша не был книжником! — вспоминает Любовь Игнатьевна. — Вот дочь моя, та увлекалась литературой. Бывало, свет всю ночь горит у ее кровати. Читает. Миша же больше увлекался рисованием...

Мать сохранила несколько его рисунков. Они весьма своеобразны. Карандашом, пером. Миша почти всегда рисовал крепких мускулистых людей с лицами, полными суровой отваги и непреодолимой решимости.

На рисунках лежит печать детского подражания Леонардо да Винчи. Этим гением Михаил увлекался. Да и сейчас он вспоминает его имя с какой-то особой теплотой.

Мальчика поражал гениальный испытующий ум Леонардо, его проникновение почти во все отрасли науки.

Для Громова Леонардо был великаном творческого духа и теоретической мысли, был именно тем совершенным человеком, о котором мечтал мальчик.

В пятом классе реального училища Громов не то чтобы охладел к Леонардо, но более трезво стал воспринимать его.

Миша сидел на парте рядом с Борисом Габричевским — одноклассником, товарищем. Они спорили. Габричевский утверждал, что математика благороднее механики. В доказательство он приводил слова Плутарха о том, что величайший механик древности Архимед признавал только математику, отзываясь презрительно о механике, потому что «низко все, что имеет непосредственное практическое значение».

Мишу возмутило такое барское пренебрежение к практике. Он горячо доказывал всю ложность архимедовских взглядов и как неопровержимый документ привел высказывания Леонардо:

«Механика — рай математики, потому что в ней пожинаются плоды того, чему учит математика».

Габричевский сбегал в библиотеку и принес сборник «Флорентийских чтений». Это было простое перечисление работ Леонардо. Но все они говорили об одном: картин Леонардо оставил мало, как скульптор он дал только гипсовую модель памятника Франческо Сфорца. Ни одно здание в Италии не может быть приписано Леонардо. Из его изобретений ни одно не прошло в производственно-промышленную технику.

— И все же он велик, твой Леонардо, — заключил Габричевский, — велик своими мыслями, записями, но не практическими делами.

Это был гром в ясную погоду юношеского увлечения.

Михаил понял, что Леонардо — мыслитель, а не человек действия. Сам же он, воспитанный в трудовой обстановке, никак не понимал отрыва теории от конкретной практики и действия.

Он мечтал быть летчиком. Все, что он делал, он подчинял этой идее. Летчик должен быть грамотным, — Михаил прилежно занимался в школе. Пилот должен быть сильным, ловким, мужественным, — Михаил систематически занимался спортом.

В конце 1916 года Михаил Громов поступил на авиационные курсы Жуковского.

Первые полеты на хрупком «Фарман 30» только еще больше разожгли страсть и пытливость Громова.

— Это только начало. Возможности в воздухе неограниченны. Чем выше, тем обширнее перспектива!

«Фарман 30» был сменен на более усовершенствованный «Вуазен». Затем Громов стал летать на боевом истребителе «Моран Парассоль».

1917-й год. Громов шел в окопы, слушал ораторов, запальчиво призывавших к защите временного правительства, Керенского, и тоска несообразности действительности с его идеалом жизни овладевала им.

Потом пришли большевики и спросили:

— Пойдем бомбить белых?

Громов ответил:

— Есть бомбить белых...

Громов радостно убеждался, что большевики осуществят его идеал, что это люди больших идей и огромной практики. Он безраздельно посвятил им свою жизнь.

Дальнейший путь роста Михаила Михайловича Громова всем известен. Юношеские стремления превратились в жизненную цель.

— Я никогда не сложу крылья! — сказал как-то Михаил Громов.

И действительно, он их не сложит. Пока бьется сердце, он неустанно будет стремиться к совершенству, к достижению новых побед. Он не знает предела. Один рубеж пройден, одна вершина взята — он стремится к новым рубежам, новым высотам.

Не знать остановки! Никогда не считать, что достигнуто уже все, что определено в жизни! — вот девиз Громова.

В 1925 г. Громов летит Москва—Пекин. Перелет завершен. 7000 км. пройдено в 33 дня.

Громов не удовлетворен. Он ходатайствует и получает разрешение советского правительства продолжить полет. Он летит до Токио, через штормовое море, сквозь тропический ливень. Его приглашают в Осаки, и он летит в Осаки. Он — единственный участник перелета, прочерчивает путь от Москвы через Пекин в Токио. Крылья его машины сверкают под солнцем у снежных высот Фудзиямы и режут шквалы в Японском море.

Но Громов явно недоволен собой. Он получил сообщение, что французский летчик Аррошар совершил перелет протяжением тоже в семь тысяч километров, но только... в три дня!

Громов сделал выводы.

В 1926 г. он летит Москва—Берлин — Париж — Рим — Вена — Прага — Варшава — Москва.

В 1929 г. летит по Европе на самолете «Крылья Советов».

В 1934 г. Громов ставит мировой рекорд дальности полета по замкнутой кривой.

В 1936 г. Михаил Громов совершает перелет Москва — Ленинград — Москва за 3 ч. 38 минут.

В дневнике Михаил Михайлович вновь вспоминает Леонардо.

«Опыт... не обманывает никогда... опыт доставляет истинные правила...»

Сколько опытов свершил Громов?! Их не счесть. И вот, вооруженный опытом, доставившим ему истинные правила, одухотворенный ясностью цели, воодушевленный путевкой вождя народов, вниманием всей страны, Громов свершает неслыханный прыжок с материка на материк через Северный полюс, ставит новый мировой рекорд...

Свершает, чтобы тут же готовиться к завоеванию новых рубежей, новых высот.

— Сколько бы человек ни летал, он всегда должен приобретать новое, ни один полет не должен пропадать даром, — вот заповедь, данная Громовым молодым летчикам.

В течение всей своей жизни он воспитывал в себе волю, выдержку, самоконтроль... Он всегда спокоен, выдержан, деловит.

Громов как-то произнес крылатую фразу:

— Человек, удовлетворенный собой, — погибший человек. Надо совершенствоваться всю жизнь!

Этому правилу сам он следует неукоснительно, как следует ему вся страна, воспитывающая Громовых.

С заботливым вниманием страна прислушивалась к гулу мотора героического самолета. Она душевно напутствовала своего сына в небывалый полет, она обменивалась с ним горячими приветствиями в воздухе, она заключает его в свои об'ятия на земле.

Взволнованно встречает Советский Союз человека особой отваги, величайшего мужества, твердой настойчивости и выдержки.



«Пролетарские похороны жертв столкновения с полицией». Выставка работ шведского революционного художника **Альбина Амелин** в Государственном музее нового западного искусства (Москва).

Героические будни

По страницам фронтовых газет героической Испании

Партиздатом выпущена новая книга В. Фина «По страницам фронтовых газет героической Испании». Самые красноречивые описания не в состоянии дать такого непосредственного, живого ощущения атмосферы борьбы испанского народа против фашизма, как собранные в этой книге отдельные страницы фронтовых газет республиканской армии. Это — сгустки коллективной воли, чувства и мысли антифашистской армии.

Каждый номер фронтовой газеты — это тяжелый снаряд по врагу, и недаром республиканские части в буквальном смысле слова стреляют по окопам противника газетами и листовками. Читатель может видеть в книге т. Фина чертеж применяемого республиканскими бойцами прибора для выбрасывания ракет с листовками в окопы мятежников.

У фронтовых газет республиканской Испании есть общая породившая их мать — «Милисиа популар» («Народная милиция») — газета героического Пятого полка, первый номер которой вышел спустя восемь дней после начала фашистского мятежа — 26 июля 1936 г.

Газета Пятого полка сыграла такую же роль в отношении десятков выходящих сейчас под непосредственным огнем фашистов фронтовых и окопных газет, какую сам этот героический полк сыграл в отношении создания республиканской революционной армии.

Семьдесят тысяч бойцов Пятого полка послужили кадрами для создания регулярной антифашистской армии, полковая газета — образцом для народившихся затем на всей линии фронта печатных и окопных газет.

Боевой дух, революционные лозунги «Милисиа популар», ее уверенность в том, что «они не пройдут», и несокрушимая готовность бороться до победного конца — все это со стократной силой звучит в многоголосом хоре фронтовых газет республиканской Испании. И недаром генеральный секретарь испанской коммунистической партии Хозе Диас в своей речи на митинге в Мадриде 27 января 1937 г. по случаю расформирования Пятого полка, влившегося кадровым составом в революционную армию, сказал:

— Все, что создал Пятый полк, мы отдаем на службу регулярной армии, которая должна привести испанский народ к победе.

Эти слова в полной мере относятся и к созданному Пятым полком образцу революционной фронтовой газеты.

Нельзя, например, не привести такого яркого примера конкретной агитации «Милисиа популар». Обращаясь к обманутым солдатам армии Франко, газета пишет:

«Солдаты мятежной армии! Если фашисты победят, то все поручики станут капитанами, капитаны — полковниками, а полковники — генералами. Генералов до мятежа было 300, а в случае победы мятежников их будет 3000, и все они будут получать большие ставки и награды, которые ты, солдат, сын народа, рабочий и крестьянин, сейчас оплачиваешь своей кровью, а потом будешь оплачивать своим рабством».

В «Милисиа популар» сотрудничали не только бойцы, но и находящиеся на фронте писатели и художники.

Литературный критик **Мигуэль Перез Ферреро** описывает в газете свою встречу на фронте с отрядом Стального батальона, в котором сражалось много девушек.

— Что привело тебя на фронт? — обратился Ферреро с вопросом к одной из девушек-бойцов.

— Сознание, что я нужна стране и народу.

— Ты принимаешь участие в боях?

— А то как же! Я дерусь с энтузиазмом и буду драться до окончательной победы, потому что хочу, чтобы всем испанским женщинам и детям были обеспечены радость, работа и счастье.

— Ты веришь в победу?

— Я никогда в ней не сомневалась. Дело, за которое борется весь народ, — благородное и справедливое дело. Оно должно победить.

В специальной главе «Бойцы республиканской Испании» приведены героические эпизоды борьбы, описанные в фронтовых газетах бойцами — непосредственными участниками этих эпизодов.

Наконец заключительная глава книги посвящена интернациональным частям республиканской армии и созданным ими фронтовым газетам.

«Ле пепль ан арм» («Вооруженный народ») — газета Интернациональной бригады начала выходить 8 ноября 1936 г. — в день, когда фашистские газеты всех стран торжественно извещали о взятии Мадрида войсками генерала Франко.

«Наша колонна, — писали бойцы Интернациональной бригады в первом номере своей газеты, — находится у самого сердца мира, которым являешься ты, храбрый и свободный Мадрид. Мы пришли сюда из различных стран, пришли нередко против воли своих правительств, но всегда с одобрения рабочих и в качестве их представителей. Мы приветствуем из окопов испанский народ. Наши батальоны носят имена Тельмана, Марти, Гарибальди!»

В газете «Вооруженный народ» пишут лучшие бойцы, комиссары и командиры Интернациональной бригады.

Характерно для бойцов этой бригады, что ее боевому органу приходится не взывать к храбрости, а, напротив, предостерегать против излишнего риска и презрения к опасности.

Людвиг Ренн в статье «Советы участника империалистической войны» пишет:

«Лечь на землю во время боя — это не трусость. Хороший солдат умеет распоряжаться своей жизнью. Только живой человек может продолжать борьбу».

Людвиг Ренн советует бойцам беречь патроны:

«Не стреляй, когда ты взволнован. Уверенный выстрел стоит десяти выпущенных наугад. Жди, пока неприятель приблизится к тебе на расстояние 300 метров. Спокойно прицелься и стреляй».

Вот запись из «Вооруженного народа» о последнем дне жизни павшего смертью храбрых под Мадридом члена Центрального комитета коммунистической партии Германии Ганса Баймлера:

«Накануне ожесточенного боя, который стоил жизни нашему Гансу, — рассказывает один из товарищей, — Баймлер прибежал в штаб, где помещается редакция газеты «Вооруженный народ», и велел задержать ее выпуск.

«Сегодня, — заявил он, — имеется нечто более важное, чем все остальное для нашей газеты: Сталин выступил. Немедленно переведите его речь из «Мундо обреро» и сегодня же ночью заверстывайте газету».

На другой день рано утром, в последний день жизни т. Баймлера, его видели на передовых линиях фронта с докладом товарища Сталина на Чрезвычайном VIII всесоюзном с'езде советов».

Страницы фронтовых газет внушают ясную и непоколебимую уверенность в победе республиканской Испании над международным фашизмом, ясно ощущаешь напружинившуюся волю к победе ее народных масс.

С. ЛЕОНИДОВ.

ЭМИ СЯО

Китайская литература единого фронта

Отец современной революционной литературы Китая Лу Синь, первым откликнувшийся на призыв компартии о создании национального фронта против японских захватчиков, перед смертью писал:

«Политику антияпонского единого фронта, выдвинутую нашей революционной партией, я защищаю, я безусловно вступаю в этот фронт, ибо я не только писатель, но и китаец. Я стою за то, чтобы литераторы всех групп и течений об'единялись под лозунгом «против японской агрессии», и я считаю, что любую антияпонскую силу на нашем фронте мы должны приветствовать».

В 1936 году в Китае возник ряд организаций, об'единивших литераторов разных творческих направлений.

Ассоциация литераторов Китая выпустила свою декларацию:

«Китайская нация достигла предела — жизнь или смерть... Создание единого фронта стало крайней необходимостью для спасения страны, и это заставляет нас занять единую общую линию борьбы».

Далее в декларации говорится:

«Под общим знаменем спасения страны писатели, которые группировались по разным творческим убеждениям, могут быть соратниками единого фронта. Разница творческих убеждений не препятствует нашему об'единению ради интересов нации».

Другая организация, «Федерация писателей Шанхая» в своем воззвании пишет:

«Китай находится в очень критическом положении. Перед нашей нацией стоит вопрос о существовании. Народ начинает создавать железный единый фронт для спасения страны. Каждый писатель, каждый автор должен участвовать в национально-освободительном движении... Каждому из нас надо отбросить все прошлые разногласия и протянуть руку, держащую перо, к винтовке и создать активные силы».

Эти организации положили начало единому фронту китайских писателей в борьбе против японских захватчиков.

В этом же году китайские литераторы выдвинули ряд творческих лозунгов. Был выдвинут лозунг «за литературу национальной обороны». Сторонники этого лозунга понимают, что «оборонная литература — самая необходимая на сегодняшний день». Призывая писателей заняться оборонной литературой, китайские прогрессивные литераторы начали изучать проблемы обороны, историю японской агрессии в Китае и историю антияпонской войны китайского народа, а также антияпонское движение, развивающееся в своей стране.

Другая группа писателей, во главе с покойным великим Лу Синь, выдвинула лозунг «за национально-революционную массовую литературу».

В ответ на письмо одного из литераторов Лу Синь писал:

«Мы призываем всех, от сторонников «искусство выше всего», от сторонников «абсолютно свободной литературы», юмористов, «людей третьего сорта» *, «людей четвертого сорта» и до тех литераторов, которые пишут только на любовные темы или так называемые группы «субботников», — мы призываем всех об'единиться в едином национальном фронте».

Между сторонниками этих двух лозунгов — «за оборонную литературу» и «за национально-революционную и массовую литературу» долго шли споры. Каждая из групп проявила во время дискуссии немало сектантского упорства. Но постепенно китайские писатели осознали, что по существу никакой разницы между этими двумя лозунгами нет.

Лозунг «за оборонную литературу» указывает необходимые мероприятия для организации сопротивления японской агрессии, а лозунг «за национально-революционную и массовую литературу» указывает характер обороны, т. е. национально-революционную войну.

* Так называли группу либеральных писателей.

Лу Синь, участвовавший в этой дискуссии, писал:

«Об'единение литераторов для сопротивления Японии безусловно необходимо. Каждый литератор, если он не предатель, если он желает участвовать в борьбе против японского империализма, он — наш».

В таком духе высказывался также один из крупнейших современных писателей Китая Мао Дунь:

«Самое важное, чтобы писатели всего Китая об'единились в борьбе против японского империализма и за спасение страны. Мы не должны принятие тех или иных лозунгов считать обязательным условием для вступления в единый фронт».

В результате упорной борьбы революционные писатели Китая в течение последних полутора-двух лет написали множество новелл, рассказов, стихов, песен и пр. Во всех литературных журналах Китая (а их несколько десятков) в каждом номере печатаются произведения антияпонского характера. Они рассказывают о партизанской войне в Манчжурии, некоторые из них написаны участниками этой войны. Тематика их — зверства японских захватчиков в Манчжурии, партизанская война, японская контрабанда в Северном Китае, антияпонское движение, предательство китайских чиновников, коварство и подлость японских шпионов — китайских троцкистов и т. д.

Из всех этих произведений особо выделяются роман Тянь Цзюнь «Деревня в августе» и роман писательницы Сяо Хун «Поле жизни и смерти».

В романе «Деревня в августе» автор описывает партизанскую войну в Манчжурии. Он показывает командира партизанского отряда, стойкого революционера-большевика. Его отряд не дает покоя японо-манчжурской армии. В романе описан также политический комиссар отряда, женщина-кореянка. Автор этой книги — участник гражданской войны в Манчжурии. Книга вышла с предисловием Лу Синь, который пишет:

«Эта книга отражает положение всей страны, отражает теперешнее положение и будущее — смерть и жизнь». (Книга переводится на русский язык).

«Поле жизни и смерти» также описывает партизанскую войну в окрестностях Харбина. Китайские бедняки, честные, наивные и покорные, под невыносимым гнетом японцев поднялись против врагов. Восстала крепкая старуха Ван, восстал добрый старик Чао, восстали бедняки-крестьяне. Чао со слезами кричит: «Когда я буду в могиле, я хочу, чтобы на могиле был китайский флаг. Я — китаец, я хочу китайский флаг. Я не хочу быть рабом».

Нельзя не упомянуть и о других книгах.

Всем известно, что по инициативе Максима Горького была составлена книга «День мира». Мысль М. Горького натолкнула китайских писателей на создание подобной же книги. Китайские литераторы в прошлом году выпустили книгу «День Китая». Таким днем был выбран день 21 мая 1936 г. В этой книге напечатано больше 500 произведений. Там имеются и рассказы, и очерки, и дневники, и переписка, и короткие одноактные пьесы. В основном эти произведения были написаны не литераторами, но материалы собраны разнообразные и свежие. На 800 страницах мы видим: разорение китайской деревни, эксплоатацию деревенской бедноты помещиками и кулаками, развращенность богатых горожан, борьбу китайских рабочих масс, отважных национальных героев, бесправие и рабское существование женщины, непримиримость угнетенных...

Хочется остановиться еще на одной книге, которая вышла в прошлом году под редакцией Лу Синь. Книга эта называется «Заморский рассказ». Ее составил член ЦК компартии Китая, член президиума ИККИ, наркомпрос китайского советского правительства товарищ Цюй Цюбо, погибший полтора года назад.

Тов. Цюй Цюбо перевел статьи и высказывания основоположников марксизма по вопросам литературы и искусства и большую часть публицистических статей Максима Горького.

Лу Синь после гибели тов. Цюй Цюбо бережно собрал его рукописи и издал в трех томах. До смерти Лу Синь вышел только первый том. Это большой и ценный вклад в китайскую современную литературу. В этом году вышел второй том, предполагается в ближайшее время издание закончить.

Японские империалисты вторгаются все глубже и глубже в Китай. Война в Северном Китае и в Шанхае в полном разгаре. Весь китайский народ поднялся на борьбу за свое существование. Прав, тысячу раз прав тов. Димитров, когда он пишет, что «положение складывается теперь так, что сохранить международный мир это значит добиться прежде всего поражения фашистских захватчиков в Испании и Китае» (см. «Правду», от 1 августа с. г.).

Революционные и прогрессивные писатели Китая сознают свою роль во всенародном под'еме и глубоко чувствуют необходимость принять участие в великой борьбе против японских захватчиков. Революционная антиимпериалистическая, антияпонская литература Китая выполнит свои задачи.



«Пора» — рисунок китайского художника **Чжань Вань.**

«Призыв к оружию» — скульптура **С. Копина** (Москва). Всесоюзная выставка народного самодеятельного изобразительного искусства, открывающаяся 24 августа в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького.

«Культура» Гитлера и свобода мысли

Из статьи Э. Байера в „La correspondence internationale“

Правительство Гитлера решило доказать миру, что искусство и культура в Третьей империи процветают: 16, 17 и 18 июля в Мюнхене был с большой помпой отпразднован «День немецкого искусства 1937 г.».

Центром празднества было символическое шествие «2000-летней германской культуры». Знамена со свастикой, развевавшиеся впереди, и колонны убийц из штурмовых отрядов, замыкавшие шествие, давали очень ясное представление о том, какого рода культуру преподносят миру фашистские варвары.

Гитлер произнес в связи с открытием «Дома германской культуры» речь, направленную против «большевизма культуры». Эта речь была выдержана в духе его прошлогодней речи на с'езде национал-социалистской партии в Нюренберге, когда он об'явил войну всей духовной эволюции человечества после Великой французской революции. Все произведения искусства и все научные труды, проникнутые тягой к свободе, являются для Гитлера «большевизмом культуры».

Торжественным церемониалом празднества нельзя было затушевать истину: гитлеровский режим душит все творческие силы искусства и науки.

По указанию Геббельса в программу празднества должно было быть включено одно произведение Лессинга. Само собой разумеется, что выбор не мог пасть на «Эмилию Галоти», где Лессинг об'явил войну деспотам своего времени, ни на «Натана Мудрого» — пьесу, бесповоротно осуждающую расовую ненависть. Геббельс выбрал «Минну фон Барнхельм». Он решил сделать Лессинга автором «военной пьесы», бравым милитаристом, провозвестником гитлеровского милитаризма. Разве за несколько недель перед этим Бальдур фон Ширах, глава организации германской фашистской молодежи, не попытался сделать Гете милитаристом, процитировав из него отрывок, касающийся ношения формы!

Однако руководителям фашистов очень рискованно ссылаться на классиков и таким образом напоминать о страстной тяге к свободе, которой проникнуты произведения классиков. Великий дух немецкой классической литературы не подавлен умственным убожеством фашистской реакции, и сегодня он призывает Германию к борьбе с фашистским варварством.

Свободолюбивые слова немецких писателей прошлого стали лозунгами революционной борьбы народа. Антифашистские бойцы используют наследие классической немецкой литературы как орудие против фашистской диктатуры. Борьба за свободу культуры принимает самые неожиданные формы, сочетаясь с общей борьбой за демократию. Все знают о демонстрациях в зрительных залах театров Берлина, Кельна, Гамбурга во время представления «Дон Карлоса» Шиллера после фразы: «Сэр, дайте нам свободу мысли!».

Но есть еще много других, менее известных примеров того, как наследие классиков служит орудием обличения фашистского средневековья. В последние месяцы цитата из Шиллера о свободе мысли стала в среде «гитлеровской молодежи» (принудительная организация немецкой молодежи) лозунгом, вокруг которого начинают группироваться оппозиционно настроенные молодые люди. Нередко во время ночных дежурств члены организации «гитлеровской молодежи» читают и обсуждают произведения немецких классиков. Немецкая молодежь, изголодавшаяся по правде, скованная коричневыми тиранами, лишенная с момента сожжения книг всякой современной прогрессивной литературы, открывает дух свободы в произведениях Шиллера, Гете, Лессинга, Гердера, Бюхнера и др.

Вначале руководители фашистского движения в органе «гитлеровской молодежи» изображали Шиллера и Гете людьми, проникнутыми «духом разложения» Великой французской революции. Потом, боясь, что движение за германский народный фронт использует классическое наследство для борьбы против фашистской диктатуры, руководство «гитлеровской молодежи» попыталось продемонстрировать на «празднествах немецкой молодежи» в Веймаре «подлинное значение Шиллера и Гете», другими словами, превратить этих обличителей тирании в провозвестников фашизма.

Вряд ли руководители «гитлеровской молодежи» имели в виду того Гете, который в «Эгмонте» восстал против произвола герцога Альбы, который в «Гепе фон Берлихингене» сурово обвинял дворянство, эксплоатировавшее крестьян, который после битвы при Вальми радовался победе революционных войск.

Глава «гитлеровской молодежи» постарался не упоминать о Шиллере, принявшем звание почетного гражданина Французской республики, о Шиллере, провозгласившем в «Вильгельме Телле»: «Есть предел могуществу тиранов!».

Но в среде «гитлеровской молодежи» знают об этих сторонах творчества классиков, о них говорят в кружках организации «Радость и сила», в спортивных организациях. Читатели библиотек требуют приобретения произведений классиков. В некоторых секциях организации «Радость и сила» рабочие потребовали, чтобы вместо шовинистических пьес фашистских писателей в театрах ставились пьесы Шиллера.

Так, в недрах принудительных официальных организаций идет в Германии борьба за свободу культуры.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

«Добердо» — роман Матэ Залка

Добердо — это название села. Автор слышит в этом слове грохот барабанов и мрачную угрозу.

Война.

Автор — лейтенант саперных войск австро-венгерской армии. Его зовут Тибор Мадран, он венгр.

Окопы у подножья возвышенности Монте-дей-Сей-Бузи. Возвышенность занята итальянцами. Венграм нужно овладеть ею во что бы то ни стало.

Приезжает на позиции командующий фронтом, его королевское высочество эрцгерцог Иосиф.

Он говорит о том, как важно для исхода всех операций фронта взять возвышенность. Может быть найдутся среди офицеров добровольцы, которые своим примером увлекут остальных?

Собрание молчит.

Добровольцев нет. Неловкость. Эрцгерцог уезжает огорченный.

Так обстоят дела на фронте.

— Что такое война? — спрашивает один из офицеров и отвечает: — противник боится противника, а противник боится его еще больше.

Леденящий душу страх. Мечта о том, чтобы быть легко раненным и уйти с позиций. От патриотизма не осталось и следа. Офицеры пьянствуют, играют в карты, слушают цыган.

Возвышенность мрачно висит над окопами. Кажется, никогда ничто не изменится. Командование бессильно разжечь пыл в офицерстве и в массе.

Но происходит следующее.

Из итальянского окопа швырнули венграм коробку с папиросами. Там были египетские и тунисские, замечает автор. Подарок от противника! Венгры обрадовались. Ведь итальянцы тоже солдаты, они ненавидят войну, как и все, кто воюет. — Не нужно ли вам ветроупорных спичек? — спросили итальянцы. И, не дождавшись ответа, швырнули в окоп к венграм пачку гранат. Гранаты разорвались.

Это вероломство вызвало вспышку гнева и ярости среди венгров. По собственной инициативе они организуют штурм возвышенности. Героизм, к которому безуспешно призывало командование, появляется сам собой. Порыв массы приводит к победе. Неприступная возвышенность взята.

Командование в восторге. Героев чествуют в штабе бригады. Повышения. Медали.

Однако надвигается новая угроза. Итальянцы ведут под возвышенность подкоп с целью ее взорвать. Героический десятый полк охвачен паникой. Взрыв может последовать каждую минуту.

Командование считает, что солдаты проявляют чрезмерную нервозность. Возможность подкопа, по мнению командования, сомнительна.

Лейтенант Тибор Мадран бьет тревогу. Его не слушают. Его даже ставят на место, находя его активность шокирующей. Лейтенант должен понять, что на позиции не сегодня — завтра приедет эрцгерцог. Это главное. Это гораздо важнее, чем какой-то воображаемый подкоп. Приезд его королевского высочества! Как можно поднимать панику?

Но лейтенанту удается разоблачить шпиона, действовавшего в штабе. Геологическая карта возвышенности, доказывающая возможность подкопа, как оказалось, сознательно утаивалась.

Все меняется. Лейтенант становится героем дня. Ведь он спас эрцгерцога! Ведь если бы взрыв произошел в ту минуту, когда его величество... Лейтенанта чествуют. О десятом полку, который в паническом страхе ожидает смерти, никто, кроме лейтенанта, не думает.

«Новый мир», №№ 3, 4, 5. 1937 г.

★

Ю. ОЛЕША

★

И десятый полк взлетает на воздух. Такова фабула романа Матэ Залка.

Перед нами один из эпизодов империалистической войны. Он полон драматизма, и следишь за его развитием с необычайным волнением.

Хочется отметить отдельные сцены. Превосходно изображена встреча эрцгерцога с офицерами. Эрцгерцог предлагает добровольцам записываться. Даже вынут блокнот. Никто не записывается. Напряженного молчания не выдерживает молодой офицер, только что прибывший на фронт. И скорее от вежливости, чем от воодушевления, он делает шаг вперед.

Книг о войне написано много. Среди них есть книги, принадлежащие перу первоклассных мастеров. С ними соревноваться трудно. И если многие сцены романа Матэ Залка вызывают в памяти сцены из других замечательных романов о войне и при этом обходишься без сравнения и уступок, то это говорит о большой удаче автора.

К таким сценам относится замечательная сцена — офицер в отпуску оказывается у проститутки и по запаху клея догадывается, что он попал в дом, где живет сапожник. Офицер вспоминает своего отца — отец его тоже сапожник.

«Девушка думала, что офицер еще пьян, но вдруг Мартын широко раскрыл глаза, посмотрел на нее, крепко прижал к себе и потом, взяв ее голову в ладони, горячо поцеловал в обе щеки.

— Ду бист мейне швестер, — рыдая сказал он».

Полон чувства эпизод, где венгерские стрелки встречают сдающихся в плен двух итальянских солдат.

Вообще солдатская масса изображена автором с большим мастерством — хорошо найденными красками, которые создают теплоту и человечность.

Это роман о солдатах, о людях из народа, брошенных капитализмом в бойню. Автор хорошо знает этих людей. Мы видим, как постепенно укрепляется его связь с ними. Интересы солдат становятся его интересами. Он — защитник солдат, и этот демократизм приводит его к разрыву с высшим офицерством.

Да, о войне написано много книг. Но книга Матэ Залка отличается от них в некотором, резком, смысле. В то время как большинство авторов останавливается перед неразрешенным вопросом о сущности войны, Матэ Залка, «прощаясь с оружием», твердо знает, что такое война, каковы ее причины, кому она нужна и что требуется сделать для того, чтобы бороться с ней.

Прощаясь с оружием, он готов взяться за него еще раз. И он хорошо знает, против кого оно должно быть обращено.

Перед тем, как стать лейтенантом, герой был студентом-филологом. Он готовился к ученой карьере. В окопах его посещает сновидение, в котором он видит себя на кафедре перед ученым собранием.

Мечты рассеялись. Война. В начале романа лейтенант говорит:

«О войне нельзя думать, ее надо делать — вот моя точка зрения сегодня».

Но как может не думать о войне человек, собиравшийся быть ученым?

«Мое угнетенное состояние усугублялось склонностью к самоанализу, к внутренним терзаниям, к разрешению разных мучительных вопросов. Ведь я интеллигентный человек, офицер».

И лейтенант начинает думать о войне. И мы видим, как день за днем, от события к событию, от размышления к размышлению слагается в сознании лейтенанта ясная формула:

«Ведь есть две Венгрии. Родная, удивительно красивая земля, белохатные села, тихие речки, чистые города, горы, холмы, пуста (степь — **Ю. О.**), воспетая Петефи, жизнерадостные честные рабочие, славные крестьяне — это одна Венгрия. А другая — люди, предавшие и обманувшие народ, заведшие его в кровавую авантюру, люди, за низменные интересы которых страдают миллионы, люди, являющиеся самыми большими врагами народа. Это родина?

Я больше не вздыхал, сердце билось ровно, в сознании царили покой и ясность».

Роман кончается бегством лейтенанта в Швейцарию. Да, он стал дезертиром. Дезертиром империалистической войны. Но он будет бойцом иной войны.

Мы читаем роман Матэ Залка, когда автора уже нет в живых.

Как писатель, он был еще молод, он только «входил в форму». Этот последний роман его свидетельствует о росте его мастерства. Видно, как важна была для Матэ Залка литература, с какой нежностью и бережностью относился он к ней. Душа, выраженная в этом произведении, есть душа скромного человека. Он не успел еще занять в литературе того места, какое мог бы занять. Но Матэ Залка был передовым писателем. Он занял свое место в истории борьбы народа с фашизмом, он сложил свою голову в этой борьбе, защищая народ, подобно его герою — лейтенанту Тибору Мадран, и в этом полноценность и слава этого скромного, благородного человека и героического борца.

Н. ПАНОВ

Стихи А. Прокофьева

Александр Прокофьев известен как один из даровитых поэтов. Девиз на его щите — его опознавательные знаки (выражаясь более современно) —это: освоение фольклорных богатств, былинно-эпическое изображение годов гражданской войны, беззаветного удальства сельского парня, проведшего юность в боях...

Перед нами книга «Крылья», собравшая стихи поэта за последние 6—7 лет.

Ярка и многообещающа вступительная часть книги—«Слава». Она воспринимается как мажорная—в хорошем смысле,—лирическая декларация, как взволнованный пролог к последующим частям. Здесь сильно и своеобразно написанный «Матрос в Октябре», стихотворение о Кирове «Встреча»—одно из лучших по экспрессивности и искренности. Киров подводит к окну героиню этой вещи, очевидно, стахановку, пришедшую в Смольный на прием:

Слово жгло и слово утешало.
— Лучшие,—сказал он,—шли к боям
Для того, чтобы радостней дышалось
И тебе и всем твоим друзьям.

Вот об этих-то друзьях, живых людях социалистической действительности, казалось бы, и должна итти речь в последующих разделах книги уже в плане глубокого раскрытия образов и психологии. Но при чтении следующего же раздела «Земля» читателя постигает разочарование.

Как убога и фантасмагорична современная деревня в представлении Прокофьева! Даже внешняя обрисовка персонажей подчеркивает их внутренний примитивизм, их подчеркнуто первобытное мышление. В стихотворении «Вечер» старуха мать, вспоминающая своего сына—героя гражданской войны, встает перед читателем в виде какого-то жуткого противоестественного образа:

Старуха сидит с голубыми гостями
Царапает землю седыми костями
И щурится левым, готовым ослепнуть,
И рот раскрывает великолепный.

Не лучше обрисован и сын ее—Громов. У него (в представлении матери-то!) «плечи, что двери, рот, словно погреб, скулы, что доски, и рот, словно гроб». Это чудовищное нагромождение подается для того, чтобы представить героя гражданской войны, «молодого орла» Павла Громова!

А. М. Горький еще на первом с'езде писателей отмечал нелепую гиперболичность некоторых образов Прокофьева вроде—«у него усы, что вожжи, борода, что борона». Характеристиками такого рода наделены многие из персонажей книги. Вот описание другого героя гражданской войны—Громобоя:

Громобой стоял красивым.
Сплюнул в чистую бадью.
Громобой сказал: «Спасибо!»
Стукнул шашкой—и адью!

Не менее топорен и беден внутренний мир этих персонажей. Схваченный зелеными комиссар приговаривается к смерти атаманом бандитов. Каковы же последние слова комиссара?

Комиссар сказал: «Челдон!
Принимаю смерть...
Обо мне Москва и Дон
Будут песни петь.
На беседах, на собраньях
Будет плакать медь.
О моей разлуке ранней
Будет гром греметь!»

Ничего, кроме этого откровенного самолюбования, размышлений о личной загробной славе. Совершенно аналогичны мысли умирающего крестьянина, перед смертью говорящего «квадратным, как печи» сыновьям:

Умру, схороните меня без попа...
Чтоб гроб до могилы несли на руках,
На трех полотенцах моих, в петухах!
Чтоб стал, как карета, мой гроб именной,
Чтоб музыка шла и гремела за мной.

Всюду в стихах о деревне автор смакует пережитки старого,—идиотизм крестьянской жизни. Новая социалистическая деревня как будто абсолютно вне поля его зрения. В стихотворении «Свадьба»—кретинообразная невеста, сделанная в стиле стародавних персонажей Заболоцкого. В стихах «Как во нашей во деревне» почти издевательское изображение заседания сельсовета, на котором все высказывания присутствующих ограничиваются бессвязными выкриками вроде:

Слушали:
Матвей Никитин
Безусловно и давно
Обвиняет в волоките
И в разрыве Районо...
...Снова возгласы
— Допустим!
Предположим, что...
Да, да...
Протокол ведет Капустин
Точно,
Ясно.
Как всегда.

Если это ирония над уходящим бескультурьем, то что же положительное противопоставляет ему автор? Почти ничего! Он только неумеренно увлекается стилизацией любовного фольклора деревни и глухой городской окраины. Он увлекается сочными описаниями франтов-гармонистов, восхищаясь их сомнительным молодечеством.

И тут нарастает двойственность читательского восприятия, которая крепнет по мере чтения книги. В лирико-декларативной части и в разделе «Протяжные» Прокофьев сильно и впечатляюще говорит о партизанах, о советском флаге, о родине. Но едва перейдя к конкретному отображению окружающего, он становится изломанным, полным надуманных образов.

В стихах Прокофьева есть много безусловно положительного. Он широко и культурно использует песенные народные размеры, дает лирически напряженную и музыкальную строку, неожиданную и яркую рифмовку.

Но излишнее увлечение мещанским фольклором перерастает в типичную стилизацию и вместе с тем в любование собственным формальным мастерством.

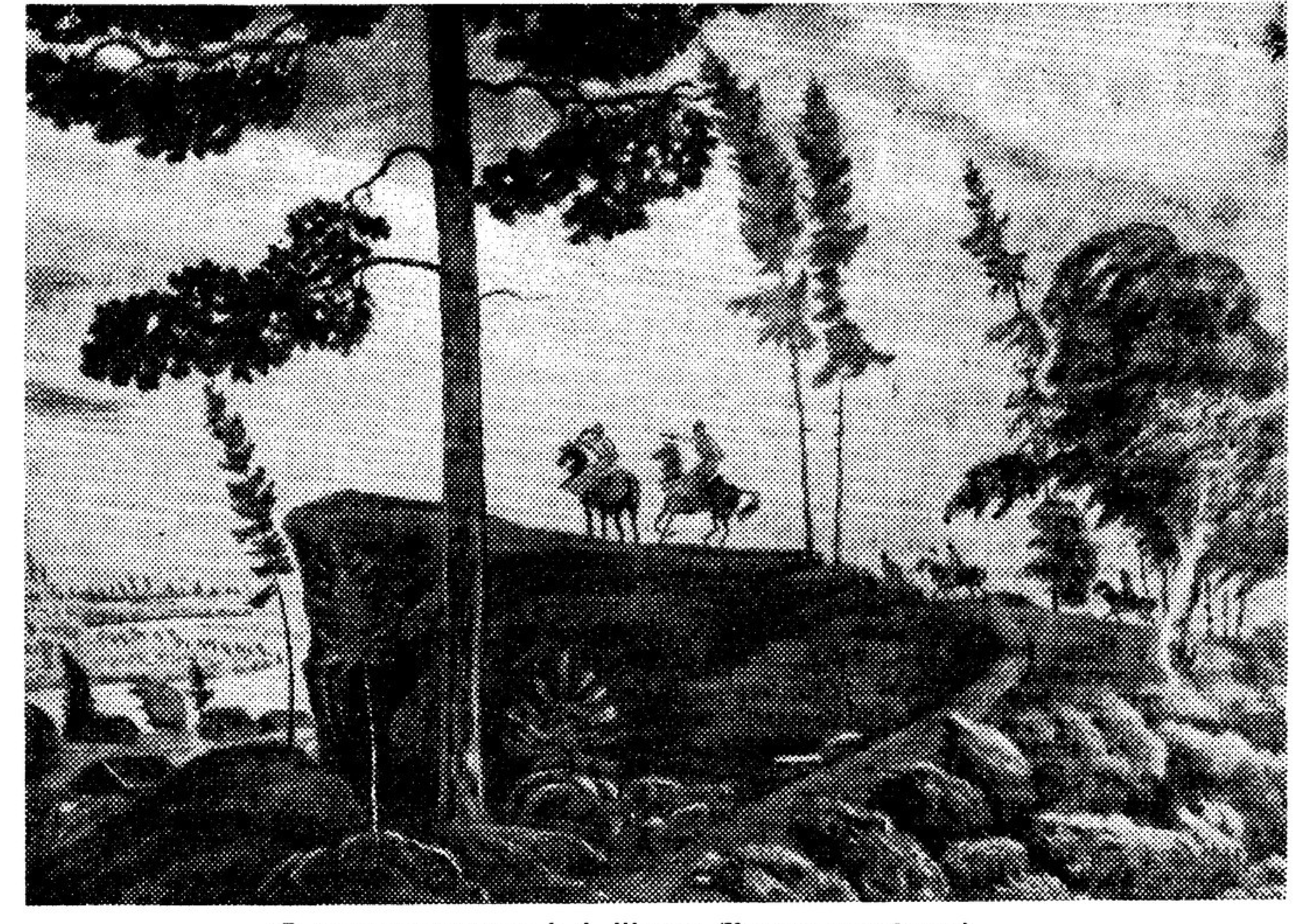
Прокофьев, видно, смертельно боится впасть в публицистический трафарет. Он пишет, полемизируя с «некоторыми советскими поэтами», изображающими «любовь у проходных ворот».

Через откомхозовские сопки
Молодых конвойные ведут,
Привели, надели им спецовку
И сказали:—Вам любиться тут.
...Неужель закат, что плыл над городом,
Красоты великой не таил?

Вот эта-то полемика с воображаемыми оппонентами и приводит Прокофьева к аполитичному повторению все одних и тех же «вечных» мотивов влюбленности, разлуки, ревности и т. д. И представление об идейной бедности автора, о топтании его в мертвом кругу немногих узко суб'ективных тем не смягчается всеми достоинствами формального порядка, имеющимися в его стихах. Прокофьев много работает над неожиданным, эксцентричным образом, но образы такого рода, вначале привлекающие внимание, быстро приедаются своей псевдо-оригинальностью.

Неприятно констатировать, что своеобразный, яркий талант поэта подчас расходуется на прямое балагурство (стихи «Свадьба», «Вторая песня о Громобое», «Про бороду»). И не является неожиданным мрачный лейтмотив последнего раздела книги: «Так живу я горестный и дикий в полном одиночестве своем». Смысл этого одиночества не в разрыве ли с широким читателем, который хочет многогранного и полноценного отображения мира и взамен этого получает ряд гротескных, иногда даже искажающих действительность, картин. Прокофьев опытный, зрелый мастер, и хотелось бы думать, что большая песенная сила поэта будет им направлена на разработку больших, способных по-настоящему взволновать читателя, тем.

Александр Прокофьев. «Крылья». Из-во «Советский писатель». 1937 г. Редактор Н. Тихонов.



«В дозоре» — картина **А. А. Шовина** (Калининская область).
Всесоюзная выставка народного самодеятельного изобразительного искусства.

С. МИНЦ

Волжский фольклор

Среди вышедших за последнее время в краевых издательствах книг, посвященных фольклору отдельных областей, большой интерес представляет сборник фольклора Поволжья. Библиография фольклора Поволжья очень не богата в прошлом. Несколько книг, вышедших в 80—90-х годах прошлого столетия, совсем не содержат в себе произведений, отражающих революционные настроения и революционную борьбу крестьянства этого края.

Сборник «Волжский фольклор» является результатом фольклорной экспедиции 1935 года в районы Куйбышевского края. Экспедиция охватила почти все те районы левого побережья Волги, где в 80-х годах собирал произведения устно-поэтического творчества Д. Н. Садовников. Последнее обстоятельство представляет значительный интерес для исследователя, так как дает возможность сравнивать и делать выводы об эволюции фольклора определенной местности на протяжении более пятидесяти лет. Экспедицией записано около 2000 фольклорных произведений, из которых, к сожалению, лишь незначительная часть представлена в сборнике.

Устно-поэтический материал сборника дает яркое и разностороннее отображение богатой и сложной исторической жизни края: песни и сказы о тяготе крепостной жизни, легенды, песни и предания о Степане Разине и о восстаниях, возглавлявшихся Пугачевым, песни о тяжкой женской доле, о горькой судьбе бурлака и солдата, сатирические сказки про барина и попа, сказы о революционной борьбе крестьянства за землю в 1905 г. и, наконец, такой живой и близкий нам эпос годов гражданской войны и социалистического строительства.

Образ Степана Разина — друга и защитника бедняков, непримиримого врага богачей — зарисован в легендах, преданиях и песнях Поволжья.

«Стенька Разин был человек хороший; он грабил только богачей, а бедняков жалел...» Особенно интересно предание, записанное в с. Мордово, где Степан Разин изображен «человеком под шляпой», который ходит «по дну Волги, как пешком по земле» и, как хозяин Волги, наблюдает за порядком. Среди этих песен даны два варианта популярной песни о сыне Разина и астраханском губернаторе, построенной на историческом факте — взятии Астрахани Разиным. Известен вариант этой песни в записи Пушкина. Трагический образ побежденного Разина дает разбойничья песня о соколе с подпаленными крыльями:

Подпалены у сокола легки крылышки,
Подожжены у сокола резвы ноженьки,
Нападали на сокола грачи-вороны...

Большой удачей собирателей надо считать запись почти уникальной песни о крепостном праве:

Как за барами житье было привольное,
Сладко попито, поедено, похожено,
Вволю корушки без хлебушка погложено,
Босиком снегу потоптано,
Спинушку кнутом по-побито,
Нагишом за плугом спотыкалися,
Допьяна слезами напивалися,
Во солдатушках послужено,
Во острогах ведь посижено,
Что в Сибири перебывано,
Кандалами ноги потерты,
До мозолей душа ссажена.

Существует только единственный вариант этой песни, напечатанный Н. Л. Бродским в сборнике «К воле» и в статье «Крепостное право в народной поэзии». Этот вариант заканчивается призывом крестьян к вольной жизни и разбою.

Совершенно иначе звучат заключительные строки песни, напечатанной в рецензируемом сборнике:

Вы укройте, леса, нас, станишников,
Напои, река, беглых каторжников,
А, ты, степь ли, степь наша ровная,
Ты неси коней глаже скатерти...
Мы задумали дело правое,
Дело правое, думу честную:
Мы царицу, шлюху поганую,
Призадумали с трону спихивать...
Мы дворян господ на веревочки,
Мы дьяков да ярыг на ошейнички,
Мы заводчиков на березаньки,
А честных крестьян на волю вольную.

Эти строки уже прямо призывают к восстанию и дают нам право отнести песню к циклу песен о пугачевском движении.

Революция 1905 года отражена в песнях сатирического характера про нагаечку, про станового и др., особенно популярных во время первой русской революции.

Любопытна песня, рисующая разгром помещичьей усадьбы в 1905 г. и перекликающаяся в своем гневном пафосе со сказами «За землю».

То не синий лес от ветра зашумел,
То не гром ударил с неба хмурого,
То не молния в дуб ударила,
То не град упал на волны реки, —
То Иван Барык с десятью парнями,
Парнями смелыми, парнями сильными
Жгет добро, добро Боцмана,
Что люд честной грабил издавна,
Что загнал в кабалу бедняцкий люд.
И дома горят, и хлевы горят —
Ярче солнышка, ярче красного...

Своеобразный поэтический «местный колорит» придает сборнику частое и любовное упоминание Волги в лирике и эпосе.

Широка Воложка разливалася,
В круты берега не вбиралася,
Потопляла Воложка все горы, долы,
Потопляла Воложка и зеленые луга,
Оставался один чист ракитов куст.
На кусту сидит соловей
Высоко и далеко глядит и разговаривает.
Не тошно ли тебе, Воложка,
С тонким ледочком расставаться...

Таким поэтическим запевом начинается в сборнике известная песня о рекрутчине.

Несколько бедно и односторонне представлен в сборнике современный советский фольклор Поволжья: тремя сказами из эпохи гражданской войны и слишком большим количеством частушек. Может создаться ложное представление об ограниченности тематики современного устного сказа и о преобладании частушки в песенном репертуаре крестьянства Поволжья. Но частушки в данном случае убедительно дают разностороннее, полное изображение новой жизни современного колхозного крестьянства Поволжья.

Хватит жить поодиночке,
Разбивай, сосед, забор!
Мы на прошлом ставим точку!
О колхозе разговор.

Следует отметить превосходные комментарии и указатели сборника. В отношении тщательности научной аппаратуры сборник В. М. Сидельникова и В. Ю. Крупянской может служить образцом для последующих фольклорных изданий.

Нужно только пожелать, чтобы «интересный фольклор, который все решительнее, ярче и победнее звучит в колхозах Куйбышевского края», был бы в ближайшем будущем представлен толстым об'емистым томом «Волжского фольклора», дающим полное и исчерпывающее представление о фольклоре области. Настоящий сборник следует рассматривать как первую часть будущей большой и хорошей книги.

«Волжский фольклор». Составили В. М. Сидельников, В. Ю. Крупянская. С предисловием и под редакцией проф. Ю. М. Соколова. «Советский писатель». М. 1937 г.

Ф. АДАМСКИЙ

Повесть о Монголии

Повесть «Кочуй счастливо»—первая большая работа молодой писательницы Леваковской. Кроме этой повести Леваковская напечатала несколько рассказов.

Е. Леваковскую волнуют события большой исторической важности, события, изменяющие судьбы целого народа, ситуации, в которых человеческая природа раскрывается наиболее глубоко (другое дело — как, насколько полно ей удается все это художественно выразить).

«Кочуй счастливо»—повесть о борьбе монгольского народа за свободу, о монгольской народной революции, приведшей к созданию свободной МНР.

1916 год... Пять лет прошло уже после провозглашения автономии Монголии. Но «автономия» эта—только ширма, за которой произошел раздел Монголии между китайскими и русскими купцами с согласия монгольских князей и лам. Гнет остался попрежнему невыносимым.

Но уже растет недовольство народа. Арат Мункхо еще безропотно сносит обман и гнет купцов, для него ламаитство еще не потеряло своего авторитета, он еще безропотно сносит все несчастья, но брат его Доржи уже потерял покой и веру. Он уходит из монастыря, куда его отдали готовиться к духовной деятельности, он уже не верит в «желтую религию», не верит ламам.

Жизнь учит его. Погибает его любимая жена от побоев чиновников и с ней—еще неродившийся ребенок. Доржи сталкивается с монгольским революционером Сухэ-Батором и после недолгих колебаний идет за ним, уходит в самую гущу революционной борьбы за новую Монголию.

Рост национального самосознания, ненависть к поработителям привели монгольский народ к победоносной революции.

Сухэ-Батор подымает знамя борьбы за освобождение Монголии. Сухэ-Батор годами работает в подполье, создавая группы, ячейки будущей народной партии. Он организует первые партизанские отряды, которые вырастают в грозную народную армию. Он ведет эту армию аратов в бой против барона Унгерна, против китайских войск, берет Кяхту, Ургу и вместе со своими соратниками приводит народ к победе. Об этом в повести есть немало волнующих страниц.

Но обидно, что часто еще т. Леваковская казенно-хроникерским стилем «сообщает» о таких, например, важных моментах, как начало создания народной армии Сухэ Батором и его друзьями. Серо даны сценки подпольного собрания монгольской народной партии, нет в них веяния героизма.

Очень хорошо показано в повести ламаитство.

Основная масса лам—это хитрые и страшные враги народа. Они сеют разврат, суеверия; они против революции, они предают народ то китайским купцам, то русским белогвардейцам. Они коварны и жестоки. И когда чудесный мальчик Санжа, живущий интересом к живописи, искусству и не искушенный в людских пороках, случайно обнаружил, что в кумирнях ламы скрывают оружие, они коварно отравляют мальчика, используя его веру в своего учителя—ламу.

Удалась автору и фигура кровавого барона Унгерна. Барон Унгерн жесток, бездушен; по его приказу режут детей, женщин.

Изгнанный красными войсками из России, он, прикидываясь «другом монгольской свободы», укрепляется в Монголии и уже лелеет план похода на Советскую Россию. Но тут он сталкивается с монгольской народной армией Сухэ-Батора, на помощь которой выступает Красная Армия, и барон терпит поражение. И в этом его поражении писатель раскрывает крушение озверелой контрреволюции.

Перед Леваковской стояла трудная задача — показать особенности освободительной борьбы в Монголии. И это ей во многом удалось. Повесть дает почувствовать огромность и своеобразие событий, происшедших в стране. Леваковская хорошо знает быт, обычаи Монголии, поэтому ей удалось избежать экзотики и дать правдивое реалистическое повествование.

Однако при всем этом повесть «Кочуй счастливо» имеет много недостатков. В ней нередки еще нарочитые прозаизмы, много мест, близких к газетной хронике, много безликих разговоров и безличных героев, которые приходят, говорят и уходят, больше не появляясь. Интересные фигуры остаются недоработанными. Например, в начале повести промелькнула яркая фигура Мункхо. Но очень скоро автор о ней забыл.

Ведущие положительные герои, в чьих действиях раскрывается основная мысль художника, вокруг которых развиваются, группируются события, люди нового мира, получились у Е. Леваковской менее художественно выраженными, чем люди враждебного лагеря. Неумение раскрыть перед читателем высокие нравственные качества людей нового мира, новой Монголии привело к снижению глубины конфликта.

Е. Леваковская умеет писать хорошо, об этом говорят такие теплые, сильные места, как глава «Аил» — о тоске Доржи, как трагический эпизод с мальчиком Санжей и т. д.

Несмотря на недостатки, повесть молодой писательницы заслуживает серьезного внимания читателей и критики. Леваковская — молодой, здоровый талант, от которого мы можем ожидать немало хороших произведений.

Альманах «Год XX», книга 12. Е. Леваковская — «Кочуй счастливо».



Крикль (старик с рукой).
Издательство «Academia» выпускает роман **Чарльза Диккенса «Давид Копперфильд»**, с иллюстрациями художника **Г. Филипповского.**

О. ВОЙТИНСКАЯ

О псевдонародности

Вульгарные социологи весьма охотно вносят писателей в специальный табель о литературных рангах по их тематике.

Ход рассуждения очень прост. Герой «Евгения Онегина» Пушкина—дворянин, явно нетрудового происхождения. В стихах Жарова выведены трудящиеся. Следовательно, отличие Жарова от Пушкина заключается в том, что он изобразил новых людей и...

Повелось зачислять весьма средних писателей в классики на том основании, что они пишут на злободневные темы.

Толстой, Гончаров и Аксаков писали о детстве дворянских детей, а Чумандрин в хронике «Год рождения 1905» изобразил рабочих ребят. Следовательно... отличие Чумандрина от Толстого заключается в том, что «Михаил Чумандрин рассказал в своей хронике «о потомственном пролетариате».

«Помилуйте, — скажет нам иной читатель. — Вы выдумали оглупленного противника и воюете с ним».

Раскройте второй номер «Звезды» за 1936 год, и вы в рецензии Эвентова найдете вышеприведенные строки о Чумандрине.

Вульгарные социологи без зазрения совести рекламировали лубочную, псевдонародную литературу. Это они возвели Киршона в Шекспиры, а Чумандрина «приравняли» к Толстому.

Жизнь создала героя нашего времени — волевого, целеустремленного человека с высокими коммунистическими идеями.

Зритель прощает писателю отдельные неудачные места за то новое, человеческое, что вдруг сверкнет в «Гибели эскадры» Корнейчука или «Оптимистической трагедии» Вишневского.

Но часть советских драматургов и поныне следует дурной традиции человечков в футляре — примитивизировать всех героев.

По сцене расхаживают унылые и скучные люди. Каждый из них произносит патетические речи о героизме, каждый из них настойчиво уверяет зрителя: «Я умный, я талантливый, я новый человек». А зритель не верит и чувствует себя обманутым.

Впервые в истории человечества предметом поэтического изображения стала об'ективно-прекрасная социалистическая действительность.

Подлинному художнику страны Советов незачем прибегать к риторическим украшениям.

Когда-то ложноклассицизм возводил в принцип эстетики «украшение природы». «Подлая проза» жизни якобы облагораживалась в искусстве. Риторические монологи персонажей и реплики автора должны были заменить естественные человеческие переживания.

Псевдонародная литература представляет своеобразное эпигонство ложноклассицизма в советских условиях.

Псевдонародная литература не видит поэзии жизни. Она подменяет подлинное искусство литературной имитацией. Эта попытка «облагораживания» жизни жалка в сравнении с поэзией социалистической действительности.

«Можно сказать об Илиаде,—писал Гегель, — что ее содержанием является Троянская война, или еще определеннее гнев Ахилла: это даст нам все и одновременно еще очень мало, ибо то, что делает Илиаду Илиадой есть та поэтическая форма, в которой выражено содержание. То же самое и содержанием «Ромео и Джульетты» является гибель двух любящих вследствие раздора между их семьями, но это еще не бессмертная трагедия Шекспира».

Псевдонародная литература принижает и обедняет дела людей сталинской эпохи. Когда смотришь, например, пьесы Микитенко, не понимаешь, в чем Микитенко видит трудности борьбы за бесклассовое общество. Великий подвиг борьбы народных масс за идеи Ленина и Сталина, за коммунизм рисуется раздражающе лубочными красками. В пьесе Микитенко «Диктатура» есть такая сцена: коммуниста Дударя во время работы ударяет электрический ток. Зритель узнает из реплики Дударя, что у него как бы «хребет перебило». Казалось бы, что автор обязан нарисовать душевное и физическое состояние героя, который чуть было не погиб. Но в пьесе Микитенко весьма прочно обосновался персонаж, которому чужды естественные человеческие чувства. По создавшимся традициям псевдонародной литературы, этот герой обязан наплевательски относиться к смерти.

Такого героя обычно заставляют бурно радоваться, когда от него уходит жена, и умиляться, когда она рожает ребенка от другого.

Не успел Дударь притти в себя, как он произносит длинную и плохую речь о диктатуре пролетариата. В это время входит директор. Оказывается, что Дударю немедленно надо ехать в деревню.

Вот как описывает эту сцену И. Микитенко: «Гудок, Дударь берет свою кошолочку. Рабочие провожают Дударя.

Голоса: — Нажмем!
—Только дым пойдет.
Нажмем!
—Возвращайся здоровым».

В этом лубочном стиле идет вся пьеса. Мы уже не говорим о языке. Герои пьес Микитенко говорят однотонным, бесхарактерным языком. В самых драматических местах они произносят длиннейшие, никому ненужные речи.

Терень Крыжень из пьесы «Светите, звезды» задуман Микитенко как положительный герой. Он всегда говорит витиевато.

Студенты получили общежитие. Терень произносит тираду «жизнь будет для нас, если мы ее переделаем на свой лад».

Терень трагически умирает на глазах у любимой женщины. И здесь автор заставляет своего героя произносить ненужные, сентиментальные слова: — Терень: слушайте, что я вам скажу (ремарка автора — его голос поднимается до последнего напряжения), чтобы всегда помнили. Как там написано, Лена, «как была, как просила, как гремела, как нарождалась молодая эпоха». Котька, иди сюда, ну? Готов на рабфак, кочегар? Поддержите его. Он еще мальчишкой на пароходе котлы чистил... пролетарий... (Закашлялся).

Елена: Ляг.

Терень: Дай сказать.

Все: Мы сейчас же уедем, сию же минуту.

Терень: Ну... ну — вот и хорошо мне (Тихо лег на кресло, закрыл глаза). Котя, расскажи, как ты котлы чистил.

Далее у постели умирающего следует напыщенный рассказ о морских приключениях бывшего беспризорника Кости.

Елена: Терень... ты слышишь (положила ему руку на лоб). Терень! Терень! (Выпрямилась, дико вскрикнула, вперед рванулась).

Поистине нужно утратить художественное чутье, чтобы вложить в уста действующих лиц столько риторической фальши. К сожалению, это не случайный срыв. Волнующих мест в пьесах Микитенко очень и очень мало. Автор неустанно дидактически раз'ясняет зрителю суть происходящих событий. Микитенко, например, настойчиво внушает зрителю, что Ярчук из пьесы «Соло на флейте» несусветный мерзавец, своеобразный Тартюф. Но делается это не средствами искусства, а разоблачительными репликами других персонажей и самого автора.

Мудрено ли, что в пьесах Микитенко подлинный драматизм очень часто подменяется нарочитыми экзотическими эффектами.

В пьесе «Диктатура», например, есть сцена «распятие на кресте» (сговор кулаков на кладбище).

Почти невозможно отличить Дударя из пьесы «Диктатура» от Тереня из пьесы «Светите, звезды», героев пьесы «Девушки нашей страны» от героев пьесы «Дни юности».

Положительные герои пьес Микитенко удивительно похожи друг на друга. В обрисовке их Микитенко следует традициям псевдонародной литературы.

И Киршон, и Микитенко пишут на злободневные темы. Тут и летчики, и рабочие, строительство и борьба, но, как правило, все эти якобы злободневные произведения не современны.

В созданный ими стандарт положительного героя никак не вмещается социалистический расцвет индивидуальности.

«Классы мы хотим уничтожить,— писал Ленин,—в этом отношении мы стоим за равенство. Но претендовать на то, что мы сделаем всех людей равными друг другу, это пустейшая фраза и глупая выдумка интеллигента, который иногда добросовестно кривляется, вывертывает слова, а содержания нет,— пусть он называет себя писателем, иногда ученым и еще кем бы то ни было». **(Ленин, т. XXIV стр. 294).**

Положительный герой Микитенко — серый и скучный человек. Какой он положительный герой, если он нудно мыслит, чувствует, любит. Новое поэтическое содержание работы советского человека, его личной жизни так же мало отражено в драматургии Микитенко, как и негодование, ненависть к остаткам старого, к волчьему отношению человека к человеку.

В пьесе «Диктатура» секретарь комсомола Коваль полюбил комсомолку Небабу. Узнав, что Небаба его не любит, Коваль читает ей цитату о... диктатуре пролетариата.

Ревность в классовом обществе носит характер насилия над другой личностью, но кто поверит, что у нас исчезла драма неразделенной любви?

Микитенко изгнал из своих драм поэзию сильного, цельного чувства любви.

В изображении личных переживаний у Микитенко легкость пера необычайная. Перед нами пьеса «Девушки нашей страны».

Комсомолка Маня Ручьева взволнована — комсомолец Шметелюк полюбил женщину «чуждого» класса. Она начинает борьбу за «душу» комсомольца. Такова завязка пьесы.

Чтобы отвлечь Шметелюка от «преступной страсти», Маня назначает ему свидание для обсуждения договора по соцсоревнованию в час условленной встречи с Лотоцкой. Но грехопадение Шметелюка идет потрясающим темпом. Он не идет на свиданье с комсомолкой Ручьевой, он не сообщает об условленной встрече мужу Лотоцкой, больше того, он скрывает свои чувства от пяти товарищей по комнате.

Шметелюк негодующе восклицает: «В чем я виноват, скажите? В чем мое преступление против рабочего класса, против комсомола? Я полюбил инженершу? Да? (Панихиде): А может завтра ты ее полюбишь! (Панихида делает жест удивления и недоумения). Ты застрахован? Или любовь у нас выдается из распределителя, как галоши». «Это измена, а не любовь!» — возмущенно отвечает ему Пронашка.

Тема перерождения комсомольца под влиянием классово чуждого человека испорчена крайней примитивизацией.

В пьесе «Дни юности» выведены профессор и колхозник, звеньевая колхоза и летчица, начальник летной части и рабочие. Все герои произносят речи о том, что лгать нельзя, а ревновать нехорошо. Что ни положительный герой, то сплошное благородство.

Иван Цупрун сшил себе новый костюм и в нем хочет пойти на свидание, но почему-то уступает этот костюм своему товарищу.

Он влюблен в девушку Любу, но почему-то уступает ее некоему Миколе Ярош, Микола Ярош ужасно нехороший и ревнует жену к Цупруну.

Это дает возможность всем персонажам пьесы произносить патетические монологи о вреде ревности.

Возмущается семидесятилетняя бабушка, возмущается отец Миколы, возмущаются все товарищи, но Микола... все же ревнует.

Мало того, он ссорится с женой перед ее первым полетом. Об этом отец Миколы сообщает капитану Тарасову. На аэродроме происходит нелепая сцена. Тарасов предлагает отложить полет, а Люба отвечает ему высокопарной тирадой на заданную тему.

Люба: «Разрешите сказать, товарищ капитан. То, что случилось со мною, это горе в масштабе одного сердца... Оно не может помешать моему полету. Вы учили нас держать свои чувства в порядке, потому что нельзя владеть рулем, не владея собственным сердцем. А горе и неприятности, как тучи на небе, могут появиться неожиданно. Разве завтра, когда перед нами встанет боевое задание громить врага, разве тогда остановится жизнь с ее неожиданными личными неприятностями и случайным горем? Разве они не могут случиться даже перед боем? Что же будет, если мы позволим сердцу спорить с чувством долга. Нет, этого я не могу понять. Сегодня мой полет, и я готова лететь...»

Замечательная действительность наших дней не может быть передана канцелярски-напыщенным стилем.

Еще Белинский писал о литературе такого рода: «Это не реальная поэзия, ибо в них (произведениях Марлинского—**О. В.**) нет истины жизни, нет действительности, такой, как она есть, ибо в них все придумано, все рассчитано по расчетам вероятностей, как это бывает при делании или сочинении машин; ибо в них видны нитки, коими сметано их действие, видны блоки и веревки, коими приводится в движение ход этого действия... Это не идеальная поэзия — ибо в них нет глубокости мысли, пламени чувства, нет лиризма, а если и есть всего этого понемногу, то напряженное и преувеличенное насильственным усилием, что доказывается даже самою чересчур цветистою фразеологией, которая никогда не бывает следствием глубокого, страдательного и энергического чувства» (В. Белинский. «О русской повести и повестях Гоголя»).

Ал. СУРКОВ

Некрасов—сатирик

1

В многообразном и многожанровом поэтическом наследстве Н. А. Некрасова сатирические стихи занимают почетное место. Сатира пронизывает, как составная часть, многие лирические и эпические произведения Некрасова. Есть все основания считать Некрасова отцом русского сатирического стиха и родоначальником школы русских поэтов-сатириков.

И до Некрасова лучшие русские поэты прибегали к сатирическому стиху как к средству политической борьбы и полемики. Но за редкими исключениями («Горе от ума»), тематика сатирических стихов ограничивалась областью морально-бытовых проблем или вопросами литературной борьбы. Эпиграммы и памфлеты с политическим содержанием, как правило, не выходили за рамки подпольной рукописной литературы, доступной ограниченному кругу читателей.

Некрасов первый внедрил сатирический стих на страницы журнала как гибкое, разящее оружие в борьбе, которую вела революционная крестьянская демократия с силами феодально-крепостнической реакции.

Современные Некрасову критики не хотели и не могли подойти к его сатирическим стихам как к особому новому явлению в русской поэзии. Да и в годы после смерти Некрасова никто из исследователей не счел нужным специально и глубоко разобраться в сатирическом наследстве поэта, хотя для каждого, знающего историю нашей поэзии, ясно огромное влияние именно этой стороны творчества Некрасова на развитие русского сатирического стиха.

Для советской поэзии, в которой сатирическая струя выражена очень слабо, опыт Некрасова-сатирика приобретает особую актуальность. Не ставя себе задачи дать исчерпывающее исследование всех элементов некрасовской сатиры, я хочу в этой статье отметить лишь кажущиеся мне наиболее существенными моменты стиля, тематики и содержания сатирических стихов Некрасова.

2

Перед тем как стать «певцом мести и печали», Некрасов прошел сквозь годы водевильно-кустарного ремесленничества.

Навыки и приемы этого периода не прошли бесследно для его последующего творчества. Отрицательное влияние работы этих лет мы часто ощущаем, встречая в стихах Некрасова некоторую стилистическую неряшливость и склонность к растягиванию стихов.

Но зато работа на массовую публику несомненна облегчила поэту искание новых элементов стиля, помогла оттолкнуться от канонов «камерной» дворянской поэзии и приблизиться к тому, что сделало поэзию Некрасова подлинной поэзией миллионов.

Некрасов зрелой поры — острый сатирик, грозный обличитель преступлений правящих классов — неизмеримо далек от Некрасова — автора водевилей и куплетов. Некрасовский смех — это гремящий и громящий сарказм политического борца, бросающего гневные обвинения в лицо реакции, ее столпам и ее приспешникам. Обвиняя правящие классы, поэт адресуется к передовым слоям общества, хочет разбудить гнев и ненависть миллионов. Это определяет основные элементы содержания и стиля некрасовских сатирических стихов.

Отличительной чертой стиля сатирического стиха Некрасова является **прием социального контраста**, в отношении которого бытовой и психологический моменты играют подчиненную роль.

Многие произведения Некрасова построены на основе этого ведущего принципа. С ним мы встречаемся в стихах «Убогая и нарядная», «Размышления у парадного под'езда», «Железная дорога», в чисто сатирических произведениях «Балет», «Современники» и т. д.

Поразительным примером пользования приемом социального контраста является мастерски сделанная сцена кутежа финансовых тузов в поэме «Современники».

Миллионщик Савва, ошалев от выпитого шампанского, затягивает хватающую за сердце страшную бурлацкую песню:

Хлебушка нет,
Валится дом,
Сколько ужь лет
Каме поем
Горе свое,
Плохо житье!
Два-три подрядчика с дедушкой
Саввой
В пение душу кладут;
Спой так певец — наградили бы
славой!
За сердце звуки берут.
Что жь это, господи! Всех
задушевней
Шкурина голос звучит!
Веет лесами, рекою, деревней,
Русской истомой томит!
Все в этой песне: тупое терпение,
Долгое рабство, укор...
Чуть и меня не привел в умиление
Этот разбойничий хор!..

Этим глубоко оправданным художественным приемом Некрасов как бы раскрывает страшный фон действительности, на котором происходит шабаш «золотой горячки» входящего в силу русского капитализма.

Последовательность в применении этого приема ни в малой мере не однообразит стихи Некрасова. В каждом частном случае контраст художественно оправдан всем ходом событий.

Некрасов в своих сатирических стихах — последовательный реалист. Прием гиперболизации, к которому, как правило, прибегают юмористы и сатирики, не пользуется у него почетом. Некрасов редко и неохотно прибегает к гиперболе. Гиперболу заменяет у него своеобразный селекционный отбор социальных и психологических черт и фактов, не нарушающий реальности описываемых событий и портретов персонажей.

Создавая сатирический портрет, Некрасов не прибегает к приему утрировки и шаржа. «Современники» и ряд других некрасовских произведений дают огромную галлерею глубоко реалистических портретов, нарисованных кистью едкого сатирика.

Большинство сатирических произведений Некрасова по композиционным принципам есть произведения-обзоры. Начиная от ранних, еще почти целиком «водевильных» произведений, вроде «Говоруна», через стихи «О погоде», «Газетная», «Песни о свободном слове», «Недавнее время», «Балет», «Медвежья охота» до крупнейшего сатирического произведения — «Современники», Некрасов систематически прибегает к форме обозрения.

Несомненно, на предпочтении этой форме сказался водевильный период работы поэта, но не в этом главное. Сам характер некрасовской сатиры—злободневной и политически заостренной, широкий диапазон интересов толкали поэта на предпочтение форме обозрения. Форма обозрения наиболее гибка, эластична, лишена тормозов, присущих композиции сюжетного произведения.

Реалистический характер всей поэзии Некрасова позволил ему найти такие приемы организации стиха, при которых сатирический элемент входит в лирическое или эпическое произведение как естественная составная часть, не разрывая общей стилевой ткани стиха.

Сатирический стих Некрасова развивался не без влияния пародийно-эпиграмматической дворянской поэзии. Но влияние это не широко. Тяготение некрасовского стиха к массовости не могло быть реализовано в форме, приспособленной к выражению утонченного салонного остроумия. Чаще Некрасов пользуется приемом пародирования образцов дворянской поэзии в своих сатирических стихах. Столь же часто он пользуется приемами «высокого» поэтического стиля для контраста, наполняя ритмические схемы «высокого» стиха («Колыбельная», «Секрет» и др.) «низким» содержанием.

У хладных невских берегов,
В туманном Петрограде,
Жил некто господин Долгов
С женой и дочкой Надей.

Для усиления сатирического эффекта Некрасов прибегает к цитатам из популярных произведений, вводя их по принципу внешнего сходства, при резком контрасте по существу.

Иногда пародийное использование цитаты сочетается с игрой на речениях «высокого» стиля, применяемых к сугубо низкому об'екту.

Иду—и отворяю дверь...
Одно из славных русских лиц
Со взглядом кротким без границ,
Полуопущенным к земле,
С печатью тайны на челе,
Тогда предстал передо мной
Администратор молодой (т. е. жандарм. — А. С.).

Близко к таким приемам стоит и частый в творчестве Некрасова-сатирика прием отрицания через утверждение. Этот прием лежит в основе стихотворений «Нравственный человек», «Прекрасная партия» и др.

Если в сатирических стихах Некрасова сравнительно слабо отражено влияние сатирического опыта русских поэтов-предшественников, то значительно сильнее запечатлелось на них родство с творчеством знаменитого французского демократического шансонье Беранже. От Беранже воспринял Некрасов в ряде своих стихов («Колыбельная», «Нравственный человек», «Осторожность», «Публика», «Прописная книга», «Петербургское послание», «Веселая») форму куплетного стиха с повторяющимся неизменным или варьируемым рефреном.

Но пределы близости Некрасова к Беранже ограничены. В силу исторических условий и особенностей своего таланта Некрасов резко отличается от знаменитого парижского шансонье преобладанием в сатирических стихах резкообличительных и гневных тонов. Сатира Некрасова предстает перед нами как явление ярко самобытное.

3

Разнообразие тематики и об'ектов некрасовской сатиры пропорционально разнообразию приемов и стилевых оттенков его сатирических стихов.

Если молодой Некрасов в ранних, «водевильных» стихах не выходит за пределы быта чиновничьей мелюзги, то в зрелых своих стихах он направляет удары преимущественно и даже исключительно в сторону вершителей исторических судеб современной ему России, их слуг и прихлебателей. «Карающая муза» Некрасова становится дружественной и доброй лишь в тех случаях, когда она встречается с крестьянином или городским бедняком.

В «крестьянских» стихах, в особенности в эпопее «Кому на Руси жить хорошо» и цикле, посвященном детям («Дед Мазай и зайцы», «Генерал Топтыгин», «Крестьянские дети»), саркастическая усмешка сходит с губ поэта, уступая место светлой улыбке добродушного юмора. Даже показывая в главе «Сельская ярмарка» теневые стороны сельского быта, поэт не громит захмелевших и расплясавшихся мужиков гневными словами обличения, а добродушно, дружески над ними подтрунивает.

Зато как только под его перо попадает помещик, администратор, финансовый туз или прекраснодушный болтун-либерал, перо наливается желчью, и гневный стих начинает рубить, как тяжелый топор.

В сатирических стихах Некрасова перед читателем длинной вереницей проходят «герои» современного поэту общества. Создавая своеобразную портретную галлерею политических врагов крестьянской революционной демократии, Некрасов отчетливо и выразительно, со скрупулезностью исследователя-социолога, воспроизводит историческую обстановку, в какой происходила смена общественно-исторических формаций в 60-х годах. Сатирические стихи Некрасова — не только отзвуки отгремевших классовых битв, но и документы, полные умного, тонкого и едкого анализа явлений, сопровождавших великие исторические события. В них Некрасов выступает не только в качестве тонкого знатока человеческой психологии и человеческих поступков, но и в качестве дальновидного исследователя, раскрывающего экономические и политические пружины, управляющие действиями и поступками людей.

На первом плане сатирической поэзии Некрасова разместились типы поместно-дворянской среды, исторические банкроты — зубры-крепостники, ортодоксы кнута и барщины и административные верхи, обслуживающие нужды этого реакционного класса.

Галлерея портретов крепостников увенчивается образом румяного скептика, Гаврилы Афанасьевича Аболты-Обалдуева, осмеянного поэтом со всей его родословной, со всем его тупым геральдическим чванством и простодушно-растительной психологией неисправимого крепостника. К нему примыкает и образ паралитичного «последыша», князя Утятина, воплотившего в себе все уродливые черты поместного барства.

В генерале Рудометове и генерале Киселе, волею судьбы поставленном прямо от заведывания конским резервом к управлению делами искусства, Некрасов клеймит тупую, продажную, бескультурную и самодовольную администрацию феодально-крепостнического государства.

Показывая вырождение феодально-крепостнического строя и его представителей, Некрасов в новой силе, идущей на смену крепостнику, острым чутьем демократа-народника чувствует волчье ее существо.

Эта сила, написав на своем знамени лозунги «цивилизованного» грабежа, вступает в компромиссные отношения с крепостниками. Она загораживает дорогу в «трудовой рай», созданный мелкобуржуазной утопической иллюзией. Она несет народу те «иные цепи», о которых поэт писал, откликаясь на «освобождение» крестьян.

Естественно, что Некрасов, сторонник утопии общинного социализма, с яростью встречает появившегося на исторической сцене доморощенного «американца»:

Бредит Америкой Русь,
К ней тяготеет сердечно...
Шуйско-Ивановский гусь—
Американец?.. Конечно!
Что ни попало—тащат,
«Наш идеал»—говорят—
Заатлантический брат»...

Приход этого «американца» поэт предчувствовал еще в сороковых и пятидесятых годах. Свидетельство тому — стихи «Секрет», «Ростовщик» и др. С течением времени «чумазый» миллионщик уже становится существенным историческим фактором.

Апофеоз «золотой горячки» раскрывает Некрасов в поэме «Современники». Он дает здесь во всей неприглядности наготы представителей промышленно-финансовой плутократии, всех этих Зацеп, Савв, Грошей, Шкуриных. С исчерпывающей полнотой он раскрывает и методы, которыми орудуют эти дельцы.

Прибыл подрядчик на место работ,
Вместо науки, с одним «глазомером»,
Бродит по селам с своим инженером,
Рядит рабочих — никто не идет!
Земли кругом тут дворянские были—
Только дворяне о них позабыли.
Всем тут орудовал грубый «кустарь»,
Пренебреженной окраины царь.
Жители рыбу в озерах ловили,
Гнали бездонно из пеньев смолу,
Брали морошку, опенки солили
И говорили: «нейдем в кабалу!»
Нет послушания, порядка и прочего,
Прежде всего: создавай тут
«рабочего».
Как же создашь его? Шкурин не спит.
Земли, озера, болота, графит,
Все откупил у помещика,
«Все—до последнего лещика!»
(Как энергически сам говорит).
Дрогнула грубая сила «кустарная»,
Как из-под ног ее почва ушла...
Мысль эта, смею сказать, лучезарная
Наши доходы спасла.

Ни одно из произведений русской художественной литературы не раскрывает с такой полнотой и тщательностью характер начальной стадии утверждения русского капитализма, как некрасовские «Современники». В этой поэме Некрасов поднимается до такой степени понимания характера капитализма, до какой не сумел подняться никто из его современников писателей-народников. Это его великая историческая заслуга. Благодаря именно этому качеству стихи его, пережив десятилетия, не теряют своего значения до сих пор.

В числе об'ектов бичующей некрасовской сатиры на первом плане стоит российский либерал.

В стихах Некрасова, отмеченных печатью презрения и негодования, проходят перед читателем «либералы» и салонные «якобинцы» всех мастей и оттенков. В стихотворении «Человек сороковых годов» поэт раскрывает историческую природу этого типа:

...Пришел я к крайнему пределу...
Я добр, я честен; я служить
Не соглашусь дурному делу,
За добрым рад не есть, не пить,
Но иногда пройти сторонкой
В вопросе грозном и живом,
Но понижать мой голос звонкой
Перед влиятельным лицом —
Увы! вошло в мою натуру!..
Не от рожденья я таков,
Но я прошел через цензуру
Всех николаевских годов:
На всех, рожденных **в двадцать**
пятом
Году и около того
Отяготел жестокий фатум...

Такова историческая почва, на которой выросло «бесполезное» племя «праздно болтающих» русских либералов. Начитавшись заграничной литературы, нанюхавшись духа западной цивилизации, они поначалу пытаются что-то делать, но при первой трудности, подобно герою поэмы «Саша», спешат бить отбой, скрывая свое бессилие за громкими фразами о варварстве страны и народа, неспособного воспринять высокие и гуманные идеалы.

Убийственную характеристику исторического типа российского либерала встречаем мы в «Медвежьей охоте»:

Диалектик обаятельный,
Честен мыслью, сердцем чист!
Помню я твой взор мечтательный.
Либерал—идеалист!
Созерцающий, читающий,
С неотступною хандрой
По Европе раз'езжающий,
Здесь и там—всему чужой.
Для действительности скованный,
Верхоглядом жил ты зря...
Грозный деятель в теории,
. . . .
Беспощадный радикал,
Ты на улице **истории**
С полицейским избегал...

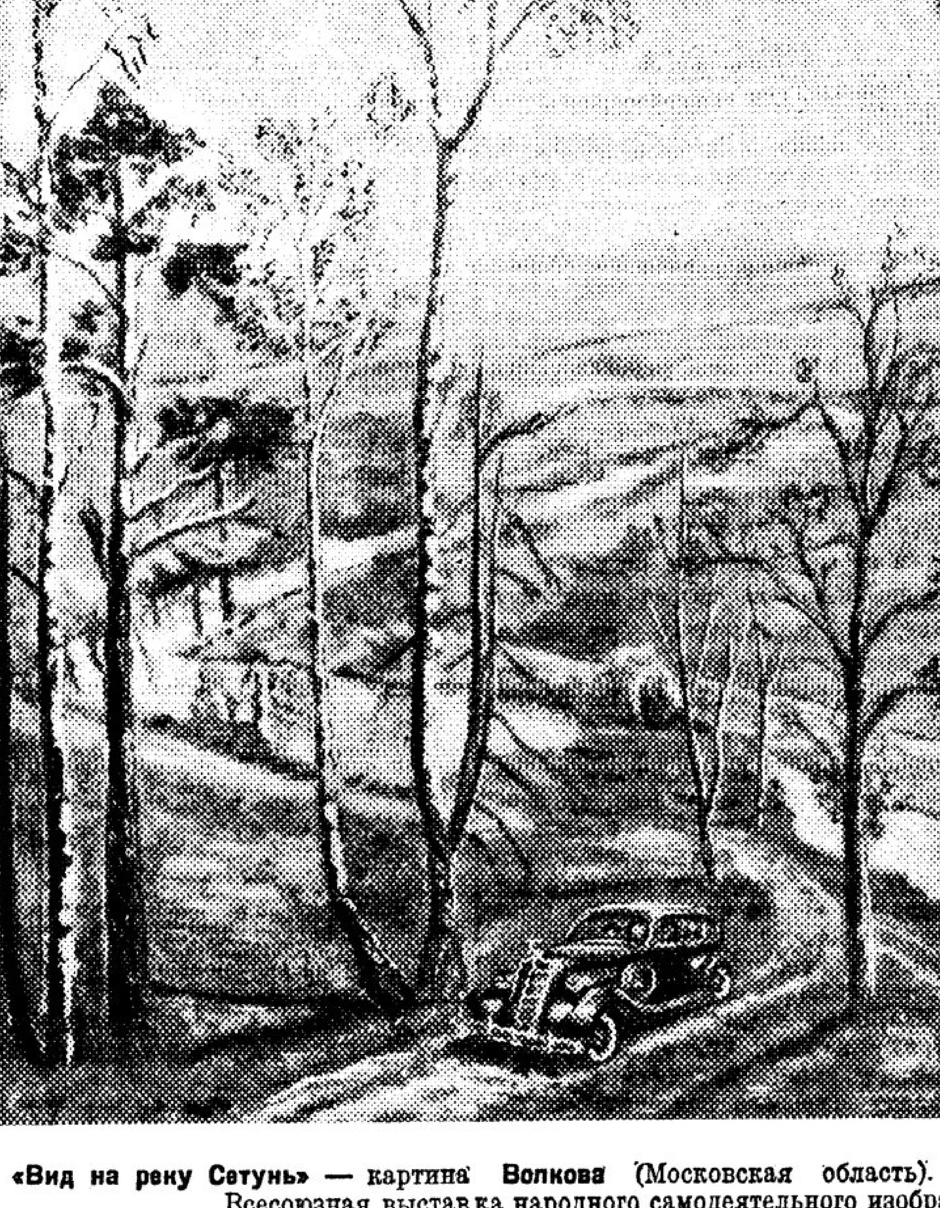
Одинакова судьба таких «революционеров». Смолоду отдадут «дань духу времени», а едва войдут в «положительный возраст» и уже:

Мудрейшие достали втихомолку
Такого рода прочные места,
Где служба по возможности чиста,
И, средние оклады получая,
Не принося ни пользы, ни вреда,
Живут себе под старость, припевая.

В своей ненависти к либералам Некрасов раскрывается во весь рост как представитель левого революционно-демократического крыла русского общественного движения 60-х годов. Сатирические стихи Некрасова, направленные против либералов, могут быть поставлены в сравнение лишь с шедеврами великого обличителя российского либерализма **М. Е. Салтыкова-Щедрина.**

Русская поэзия не дала поэтов, которые бы по силе сатирического таланта, широте тематики и боевой целеустремленности могли бы быть поставлены в сравнение с Некрасовым. Применительно ко всей сатирической струе творчества Некрасова единственной сравнительной величиной был и остается прозаик Салтыков-Щедрин.

Обоих писателей роднит не только работа бок-о-бок на боевом посту журнальной борьбы, не только идейное родство, но и вытекающее из этого сходство мотивов сатиры, близость кругозора, одинаково гигантский размах гневного, обличительного таланта.



«Вид на реку Сетунь» — картина **Волкова** (Московская область). Всесоюзная выставка народного самодеятельного изобразительного искусства.

Трибуна читателя

Из дневника

12 апреля 1937 г.

Сегодня «Известия» в полосе, посвященной В. В. Маяковскому, печатают его «Столп». До чего же и сейчас злободневны и нужны эти строчки, написанные еще в 1928 г. Действительно, «как живой с живыми говоря...»

Каким упреком звучит это стихотворение нашим поэтам. Не в бровь, а в глаз бьет оно не только бюрократов, не любящих самокритики, но и многих наших мастеров поэзии, которые оставили работу в газете.

О Маяковском больше любят вспоминать. Вспоминают, восхищаются и друзья и бывшие недруги. Я регулярно посещаю вечера памяти поэта. Они входят в обычай. И так же входят в обычай воспоминания друзей Маяковского одного и того же характера. Больше говорят о своих персонах и мало существенного для характеристики облика поэта.

Но это все воспоминания, а вот с продолжением замечательных традиций лучшего поэта — традиций боевой, политической, газетной поэзии, — с этим стало очень плохо. Кто сейчас пишет в газете? — Гусев, Сурков, изредка Демьян Бедный... да и обчелся! А где Асеев, Кирсанов, всегда представляющие себя «наследниками» Маяковского?

Своей работой в газете, особенно в «Комсомольской правде», Маяковский наглядно показал, что не только поэт дает прекрасное оружие газете, но и сама газета воспитывает поэта. Воспитывает и политически (в выборе и осознании темы), и с точки зрения совершенствования поэтического мастерства. Последнее, конечно, возможно при достаточной требовательности поэта к самому себе, а работников редакции — к произведениям поэта. Ох, как необходимо такое воспитание многим нашим стихотворцам. А то зачастую «именитый» наспех напишет, а редакция, доверяясь «имени», пустит в печать, и забывают, что читатель-то понимает толк в стихах. Читатель пошел теперь беспокойный, требовательный!..

15 июля 1937 г.

Громов сел! Вчера Чкалов, сегодня Громов. Все сокровенные мечты осуществляет наш народ... Тут любой «сухарь» запоет, а «пламенные души» поэтов все пребывают в холодном молчании. В чем тут дело? Почему многих наших поэтов ничто не трогает?—Эти недоуменные вопросы не у меня одного. Об этом часто слышишь от товарищей.

В досаде на наших поэтов читатели, особенно молодежь.

Нам, воспитанным на прекрасных образцах политической поэзии Маяковского, Бедного, как-то странно в такие дни не читать ничего проникновенного. Неужели души поэтов не задеты величием этих дней? Ведь прекрасно же поют старики — Стальский, Джамбул. А вы, Светлов, Голодный, Алтаузен, вы, искатели романтики! Или для вас наши дни не романтичны? Или по-вашему то, что становится явью, уже не романтика?

Я часто задаю себе вопрос о причинах молчания многих наших поэтов. Говорят, повлияла та банда критиков бухаринского толка, которые всячески охаивали работу поэтов в газете. Ведь им дали отпор еще на с'езде писателей.

Может быть, газеты не стараются привлекать поэтов для работы. Если судить по «Комсомольской правде», то там, вероятно, поэтов и стихи разлюбили. Когда-то эта газета была яркой носительницей традиций политической поэзии, а за последние месяцы—ни одного стихотворения. А ведь, казалось бы, «Правда» дает хороший пример: в ней чаще, чем где-либо, печатаются стихи советских поэтов.

27 июля 1937 г.

И это написал Светлов! Это его «Песня о трех товарищах»? Обидно за автора «Гренады».

Нет, не достаточно сказать, что наши поэты не пишут в газете. Что толку, если будут писать так бездушно и небрежно! Рифмы: «подряд — летят», «летел — дел», «мотор—гор», «промелькнули—взглянули». А ведь, Светлов не плохой мастер. Его «Гренаду» нельзя забыть. Там и рифмы прекрасные: «ржи-лежит», «хранит—малахит» и т. д. Вот, читая Маяковского, всегда находишь свежие, новые рифмы. Это обогащает поэзию, освежает стих, а у нас до сих пор принято: если пишет поэт в газету, то норовит, как бы попримитивней. Но читатель разбирается, уважаемые поэты! Он знает, что такое хорошее стихотворение!

Маяковский многие свои значительные вещи еще до печати нес в клубы, в молодежную аудиторию и внимательно прислушивался к голосу читателя. Никогда не забыть этих поистине творческих вечеров! А теперь что-то не слышно ни вечеров, ни диспутов. Или поэтам не с чем итти на них?! С поэтами обыкновенно встречаемся на концертах, где, конечно, нельзя поговорить по душам. А голос читателя—большое дело!

Вот, например, Жаров напечатал в «Литературной газете» отрывок из новой поэмы «Варя Одинцова». Стихотворение называется «Яшка». Я не знаю, может быть эта тема (колхозная) требует частушечного ритма. Но ведь это — раешник! Самый примитивный. Единственно, что запомнилось, — курьезное место, где автор писал повидимому со старанием:

«...Теплый пар держал у рта.
И ворочался на спину
С живота.
Полежит в уединении
(Тещи нет и нет жены)
И — в обратном направлении!
На живот
Со спины».

Ну, где вот увидишь автора, чтобы сказать ему то, что чувствуешь. Письмо писать—некогда, и дойдет ли?

А у ребят уже эпиграмма сложилась:

«...Жаров только тем живет,
Что вертится
Со спины
На живот.
А потом опять
На спину...
Сразу видно?
Этот стих Жаров
скинул...»

Мне рассказывал один товарищ, как на поэтических консультациях поэты придирчиво требовательны к стихам начинающих. И конечно справедливо требовательны. Но как было бы хорошо, если бы с такой же требовательностью они подходили к своим стихам, к каждой своей строчке, слову. И славе их было бы лучше, и нам приятнее. Да и газете надо подходить к «именитым» не с меньшей требовательностью, чем к «новичкам», тем более, что многие «маститые» мастера, к сожалению, по качеству своего стиха недалеко ушли от начинающих...

В. АРТЕМЬЕВ

Лейтенант, слушатель Военной академии им. Куйбышева

А. МЕЛЬНИКОВ

Шарль де-Костер

20 августа 1827 года, — сто десять лет назад, — родился один из выдающихся мастеров западноевропейской литературы, знаменитый бельгийский писатель Шарль Анри де-Костер.

Шарль де-Костер оставил значительное количество произведений. Первые его книги: «Фламандские легенды» и «Брабантские рассказы» прошли совсем незамеченными. Так же мало внимания привлекли к себе и его повести и рассказы, написанные в последний период жизни («Свадебное путешествие», «Путешествие в Зеландию», драма «Стефания» и др.). Имя Костера прославила «Легенда об Уленшпигеле» — произведение, над которым он работал более 10 лет и которое стало главным делом его жизни.

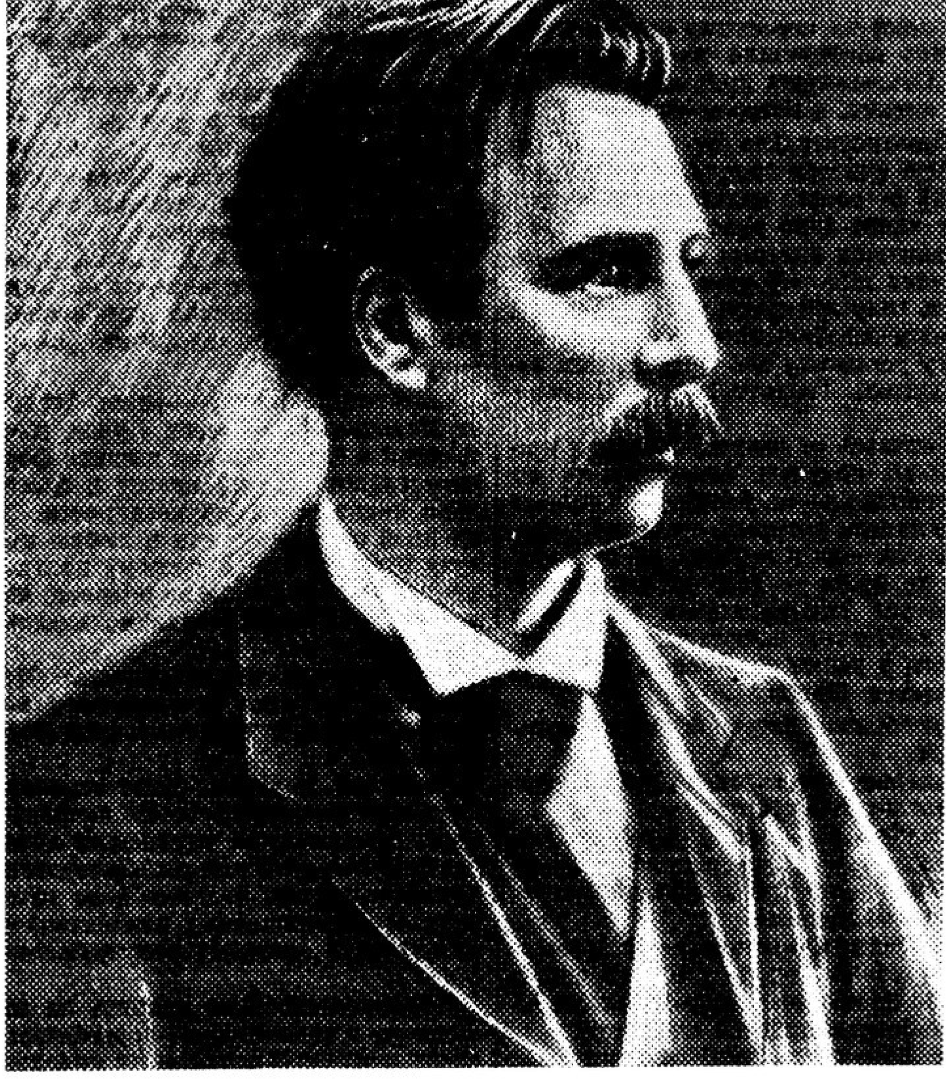
При жизни Костера «Уленшпигель» почти не получил признания. Первое его издание, вышедшее в 1867 году, осталось недоступным для широкого читателя. Книга вышла дорогим изданием «ин кварто» с 32 офортами лучших художников Бельгии. Пресса хранила о нем упорное молчание. И Костер так и умер безвестным писателем, в нищете и одиночестве. Только в 1893 году, через четыре года после его смерти, вышло наконец первое общедоступное издание «Уленшпигеля». И с этого времени начинается непрерывно растущая его популярность.

Заговор молчания, окружавший Костера столь долгое время, был далеко не случайным. Его ни в коей мере нельзя об'яснить тем, что критика не заметила или не поняла художественных достоинств его творчества. Правда, исторический романтизм «Уленшпигеля» и широкое использование фольклора противоречили требованиям господствовавшего тогда натурализма.

Но в конечном счете это имело второстепенное значение. Главный же «проступок» Костера состоял в том, что он создал подлинно народное произведение, в котором резко противопоставил богачам, чиновникам и дворянам всю массу притесненных тружеников. С первых же страниц романа раскрывается его социальный смысл: «вверху — кровопийцы народные, внизу — жертвы; вверху грабители-шершни, внизу — работящие пчелы».

Роман после смерти де-Костера вышел большим количеством изданий, он начал переводиться на иностранные языки и приобрел широкую известность за границей.

Уленшпигель — национальный герой, «дух Фландрии» — в течение одного десятилетия совершил триумфальное шествие по всему миру. Он обрел родину во всех странах. Он нигде не выглядел чужим или иностранцем. Напротив, всюду он был, как у себя дома, нигде его фламандские песенки, чудачества и остроты, его причудливый наряд, его развязность и вольность в обращении не заслоняли его подлинно интернациональной и глубоко народной сущности.



В литературе любой страны немного найдется книг, которые были бы так же органически связаны с народным творчеством, которые с таким же глубоким проникновением раскрывали бы все национальные черты и особенности целого народа. Но «Уленшпигель» бесконечно далек от той псевдонациональной литературы, которая выражает лицемерный, «квасной» патриотизм эксплоататоров.

«Уленшпигель» — национальное произведение прежде всего потому, что оно с необыкновенной полнотой отражает народное миропонимание. Короли, епископы, монахи, богачи, аристократы показаны в нем такими, какими их видит народ, положительные герои книги наделены теми качествами, которые народ бережно хранит и воспитывает в себе: ненавистью к притеснителям, стремлением к свободе, прямотой, честностью, готовностью отдать свою жизнь за счастье народа.

Именно поэтому образ Уленшпигеля перерос и исторические и национальные рамки и стал одним из самых популярных и любимых в каждой стране. Уленшпигель, этот неутомимый веселый странник, беззаветно преданный своей родине, ненавидящий ее угнетателей, поднимающий массы людей на борьбу с оккупантами и защитниками мракобесия, — этот образ понятен и близок трудящимся массам всего мира. Веселый, находчивый, остроумный, несокрушимый оптимист, неизменный защитник бедноты, героический участник освободительного движения, Уленшпигель остается народным героем не только в Бельгии, но и в Германии, и в Италии, и в Польше и многих других странах.

Роман Костера, исторический по форме, никогда не терял своего актуального значения для современников. Тем более велико его значение теперь. Его демократический народный дух зовет массы к сплочению, поднимает их на защиту своего права на жизнь, на хлеб, на свободу.

На русском языке «Уленшпигель» издавался неоднократно. Но литература о Костере у нас очень невелика. И в этих немногочисленных статьях, к сожалению, часто можно встретить смехотворные упреки. Например в предисловии к недавно вышедшему (1937 г.) изданию «Уленшпигеля» А. Д. Эпштейн упрекает Костера в том, что «он не понимал неизбежности капиталистического развития, не видел пролетариата и его роли в истории». Вряд ли нужно защищать Костера от таких обвинений.

В политических взглядах Костера действительно можно найти немало слабых мест. Но его сила и значение в глубокой органической связи с народом, в подлинном демократизме. Как и Шиллер, он заслужил почетное звание «благородного адвоката человечества». И он навсегда останется в истории мировой литературы не только как один из самых талантливых писателей, но и как один из самых близких и понятных народным массам всего мира.

Антология азербайджанской поэзии на русском языке

В скором времени советская литература обогатится новым ценнейшим вкладом — антологией поэзии азербайджанского народа на русском языке.

Сокровища многовековой азербайджанской поэзии и новейшие ее достижения должны стать достоянием широчайших масс советских читателей.

В антологии будут собраны произведения 18 классиков, 10 лучших поэтов современности и 28 ашугов Азербайджана.

Одиннадцать тысяч стихотворных строк, среди которых лучшие строки лирических произведений Вакифа и Вадиди, философской поэзии Физули, произведений Низами и др. собраны в этой книге.

В течение двух лет работала над созданием антологии группа советских поэтов.

Под руководством В. Луговского три бригады поэтов, побывавшие в Баку, перевели на русский язык лучшие образцы азербайджанской классики, современной поэзии и народного эпоса.

В переводах приняли участие поэты Н. Асеев, П. Антокольский, М. Светлов, А. Адалис, В. Державин, М. Алигер, Е. Долматовский, Б. Брик, и др.

В настоящее время работы над переводами уже закончены, и книга сдается в печать.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

1852 год «Записки охотника»

85 лет назад, в августе 1852 года, вышло первое отдельное издание «Записок охотника» Тургенева. В эту книгу были собраны его рассказы, печатавшиеся в «Современнике» главным образом в 1847, 1848 1849 гг. Как известно, рассказы эти имели исключительно большой успех. Лучшие из них, написанные под непосредственным влиянием Белинского, воспринимались как прямой обвинительный акт крепостному праву.

Поступившее в московскую цензуру собрание рассказов Тургенева было тем не менее разрешено к печати. Цензор Львов не нашел оснований запретить перепечатку рассказов, опубликованных ранее в журналах. Ему пришлось за это дорого поплатиться...

Министерство народного просвещения тотчас же спохватилось, что ценаура сделала крупный промах. О «Записках охотника» было начато следствие, в результате которого министру народного просвещения были представлены следующие выводы: «Книга г. Тургенева сделает более зла, чем добра, и вот почему. Полезно ли, например, доказывать нашему грамотному народу, что однодворцы и крестьяне наши... находятся в угнетении, что помещики, над которыми так издевается автор, выставляя их пошлыми дикарями и сумасбродами, ведут себя неприлично и противузаконно, что сельское духовенство раболепствует перед помещиками, что исправники и другие власти берут взятки, или, наконец, что крестьянину жить на свободе гораздо привольнее, лучше».

Министр одобрил доклад и представил свои соображения Николаю I. «Распространение столь невыгодных мнений, — писал он, — насчет помещиков без сомнения послужить может к уменьшению уважения к дворянскому сословию со стороны других сословий».

Царь немедленно согласился с соображениями министра. Однако из'ять книгу из продажи представлялось неудобным, тем более, что значительная часть тиража была уже распродана. Оставалось только сорвать злость на разрешившем книгу цензоре. В Москву полетела телеграмма: «Отставить за небрежное исполнение своей должности» цензора кн. Львова.

Книга разошлась очень быстро. Но о новом издании в течение ряда лет нельзя было и думать. И «Записки охотника» стали драгоценной редкостью и приобрели в результате еще большую популярность.

1863 год Умер Щепкин

23 августа 1863 г. умер Михаил Семенович Щепкин, выдающийся актер и реформатор русской сцены. Бывший крепостной, ставший крупнейшим актером русской сцены, он описал свою жизнь в «Записках крепостного актера».

В первой половине прошлого столетия Щепкин был участником многих литературных кружков. Но особенно тесная дружба связывала его с Герценом, Белинским и Грановским. В сороковых годах он был одним из виднейших участников кружка «западников». Вместе с Белинским он совершил большую поездку по югу России. В пятидесятых годах он специально ездил в Лондон к Герцену, для переговоров о возвращении последнего в Россию.

Белинский писал о нем:

«Торжество его искусства состоит не в том только, что он в одно и то же время умеет возбуждать и смех и слезы, но в том, что он умеет заинтересовать зрителей судьбой простого человека и заставить их рыдать и трепетать от страданий какого-нибудь матроса, как Мочалов заставляет их рыдать и трепетать от страданий принца Гамлета или полководца Отелло».

Эту «струю демократии» в его игре отмечал и Герцен.

«И притом, — писал Герцен, — он был великий артист по призванию и по труду. Он создал **правду** на русской сцене, он первый стал **нетеатрален** на театре, его воспроизведения были без малейшей фразы, без аффектации, без шаржа. Игра Щепкина вся от доски до доски была проникнута теплотой, наивностью; изучение роли не стесняло ни одного звука, ни одного движения, а давало им твердую опору и твердый грунт».

«Переписка Ивана Грозного с Курбским»

Издательство «Academia» выпускает «Переписку Ивана Грозного с Курбским».

Переписка ярко отражает острую политическую борьбу молодого помещичьего класса с реакционным боярством в XVI веке.

Кроме трех писем Курбского и двух ответных корреспонденций Грозного, в книге печатается написанная Курбским в эмиграции «История о великом князе московском».

Однотомник Вольтера

Избранные произведения Вольтера в одном томе выходят в Гослитиздате.

В томе печатаются философские повести, трагедии, поэмы и лирические стихи писателя.

Вступительная статья И. К. Луппола знакомит с основными фактами жизни и творчества Вольтера.

Об'ем книги — 40 печатных листов. Тираж — 10 тысяч экземпляров.



В ближайшие дни на экранах Москвы начнет демонстрироваться новый звуковой художественный фильм «Шахтеры» производства Ленфильм по сценарию А. Каплера. Режиссер—заслуженный деятель искусств С. Юткевич, главный оператор — Н. Мартов. На снимке: **кадр из фильма «Шахтеры».** Откатчица Галка (артистка З. Федорова), шахтеры (артисты Лукин, Назаренко, Чикаевский) (Союзфото).

Летчики-читатели

Среди командиров и слушателей Военно-Воздушной Академии немало строгих критиков художественной литературы. Интерес к книге здесь громадный. Требования к качеству литературно-художественных произведений с каждым днем повышаются. Достаточно указать, что на книги «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей» Н. Островского, «На Востоке» П. Павленко — спрос колоссальный, а «О'кей» и «Китайские повести» Б. Пильняка месяцами лежат на полках библиотеки.

Многие читатели хорошо владеют иностранными языками.

Герой Советского Союза Н. П. Каманин читает в подлиннике Диккенса.

Очень много читает слушатель Военно-Воздушной Академии Ф. И. Черненко. За пять месяцев т. г. он прочел 49 книг. Среди них произведения Байрона, Стендаля, Дж. Лондона, Л. Арагона, Ромэн Роллана, А. Барбюса, М. Горького, А. Чехова, В. Маяковского.

В клубе академии были показаны литературно-художественные монтажи произведений Пушкина, Гоголя, Лермонтова, «Поднятой целины» М. Шолохова, «Цусимы» А. Новикова-Прибой и др. Преподаватели и слушатели академии принимали в этих вечерах активное участие, выступая с разбором показанных произведений.

Большую помощь оказали преподаватели и слушатели т. Давурину, врачу академии, автору пьесы «Семья Волковых», которая была поставлена на сцене московских театров. Товарищ Давурин в процессе работы читал свою пьесу летчикам, которым она посвящена. Благодаря этому, автору удалось создать пьесу вполне грамотную с точки зрения авиационной техники.

Много помогли указания преподавателей и слушателей академии авторам и режиссерам фильма «Летчики». Во время дискуссии о фильме они получили немало ценных советов.

★

Каковы же требования слушателей и преподавателей академии к писателям и издательствам?

Большим успехом пользуются среди летчиков книги, отражающие настоящее и прошлое авиации. Среди них — «Большая земля» Лавренева, «Земля и небо» Саянова, «Записки летчика-испытателя» Коллинза, «Люди, которые летают» В. Толстого.

К сожалению, таких произведений очень мало, так как наши издательства (Гослитиздат, «Советский писатель» и др.) до сих пор не уделяют должного внимания вопросам авиации, так же как и военной тематике.

Отмечают работники академии и недостаток на книжном рынке произведений иностранных классиков — Гете, Гюго, Додэ, Золя, Мопассана, Шекспира, Шиллера. Одновременно они указывают на плохое качество переводов этих произведений.

Работникам библиотеки часто приходится выслушивать протесты летчиков, когда они не могут получить сочинений Марка Твэна, О. Генри, Т. Драйзера, Э. Синклера, Хэмингуэя. Это вина издательств, которые выпускают переводные книги в небольших тиражах.

Но так обстоит дело не только с иностранными авторами. Даже горьковский «Клим Самгин», который пользуется в академии особенной любовью, до сих пор не выпущен в общедоступном, массовом издании.

Глубоко интересуются летчики биографиями писателей. Но, к сожалению, они не могут найти ни литературных портретов писателей, ни биографических очерков о них.

СТИФ.

Театральный фестиваль в СССР

Пятый советский театральный фестиваль по традиции открывается в Москве 1 сентября.

В этом году, кроме основной московской декады фестиваля, будет дано два дополнительных тура — в Ленинграде (с 11 по 15 сентября) и на Украине: в Киеве и Харькове (с 11 по 20 сентября). В программе фестиваля около **30** спектаклей крупнейших театров Советского Союза.

Фестиваль начнется вечером мастеров национального искусства в филиале Большого театра СССР.

Во время московской декады иностранные гости увидят семь постановок советских пьес: «Егор Булычев и другие» Горького (Театр им. Вахтангова), «Любовь Яровая» К. Тренева (МХАТ СССР им. Горького), «Слава» В. Гусева (Малый театр), «Золотой ключик» А. Толстого (Центральный детский театр), «Свадьба в таборе» И. Ром-Лебедева (Цыганский театр), «Аристократы» Н. Погодина, в постановке Н. Охлопкова. Впервые в фестивале примет участие Центральный театр Красной армии, который покажет спектакль «Год девятнадцатый» И. Прута.

Из классического репертуара иностранные гости увидят в Москве оперу Глинки «Руслан и Людмила» и балет Чайковского «Спящая красавица» — в Большом театре СССР, пьесу Островского «На всякого мудреца довольно простоты» — в Малом театре, «Анну Каренину»—в МХАТ СССР им. Горького, шекспировский спектакль «Много шума из ничего»— у вахтанговцев, «Сам у себя под стражей» Кальдерона — в Госцентюзе.

Государственный еврейский театр покажет «Суламифь» по Гольдфадену.

Гости фестиваля в Ленинграде увидят в Театре оперы и балета им. Кирова советскую оперу «Броненосец Потемкин» А. Чишко и балет Асафьева «Партизанские дни». Малый оперный театр покажет «Царскую невесту» Римского-Корсакова. В ленинградском театре юного зрителя пойдет пьеса «Детство маршала» И. Всеволожского.

В программе украинского тура — спектакли лучших театров Киева и Харькова. Государственный ордена Ленина театр оперы и балета в Киеве поставит для иностранных гостей оперы «Тихий Дон» И. Дзержинского и «Тарас Бульба» Лысенко и Ревутского. Государственный украинский театр им. Франко покажет «Кармелюк» А. Суходольского.

Харьковским академическим государственным театром оперы и балета будет показана «Наталка-Полтавка» — опера Лысенко и Костенко.

Во время украинского тура иностранные гости побывают в Ростове, где будут присутствовать на спектакле «Горе от ума» в Государственном театре им. Горького.

Навстречу XX-летию Великой пролетарской революции

Юбилейные номера журнала «Интернациональная литература»

В русском издании журнала «Интернациональная литература» будет напечатан новый антифашистский роман немецкого революционного писателя Вилли Бределя — «Твой неизвестный брат».

В связи с последними событиями в Китае, развитием широкого народного движения китайских масс против агрессии японских захватчиков, особый интерес приобретают помещаемые в номере новеллы умершего в 1936 г. крупнейшего китайского писателя-реалиста Лу Сюня, революционного писателя Мао Дунь, революционной писательницы Тин Линь и других. Новеллы рисуют героическую борьбу китайских революционеров.

В разделе «Героические биографии» будут помещены очерки Ромэн Роллана, Анри Барбюса, Эгон Эрвина Киша и других — о героях революционной борьбы на Западе.

Кроме того будет напечатано около пятидесяти литературных портретов виднейших писателей народного фронта, испытанных борцов против фашизма — Ромэн Роллана, Густава Реглера, Томаса Манна, Генриха Манна, Лиона Фейхтвангера, Андре Мальро, Эптона Синклера, Синклер Льюиса, Малькольма Каули, Поля де Крюи, Рамона Х. Сендера, Рафаэля Альберти, Пля-иль-Бельтрана и др.

В критическом и публицистическом отделах печатаются статьи: Е. Книпович — «Максим Горький и Запад» и обзор зарубежной прессы на тему «Эволюция представлений Запада о Советском Союзе за 20 лет».

Редакция собрала отзывы крупнейших писателей Западной Европы и Америки о достижениях Советского Союза.

★

В изданиях «Интернациональной литературы», выходящих на английском и французском языках, центральное место в разделе художественной литературы займет поэма-фильм Вс. Вишневского «Мы — русский народ». Будут помещены также отрывки из повести А. Толстого «Оборона Царицына».

Ряд итоговых статей ознакомит иностранного читателя с достижениями советской литературы за 20 лет. В номере он найдет хронику документов «История советской литературы», обзор В. Перцова — «Советская литература за 20 лет» и статью К. Зелинского — «Литературный герой и русский народный характер».

Статьи-портреты будут посвящены Горькому, Кольцову и Маяковскому.

Книжная хроника

Издательство «Советский писатель» выпускает:

★ **Рассказы Андрея Платонова.** Сборник рассказов, об'единяющий работы писателя последних трех лет. Часть рассказов публикуется впервые.

★ **«Путем песни» Ап. Суркова.** Сборник стихов о Красной Армии, о ее боевом пути, о красноармейцах и командирах, о людях, выросших вместе с революцией.

★ **Рассказы Вас. Гроссмана.** В книге собраны лучшие произведения писателя о гражданской войне и новых чувствах социалистического человека: «В городе Бердичеве», «Счастье», «Сын», «Запальщик», «Товарищ» и др.

★ **«Северные рассказы» Макса Зингера.** Сборник рассказов о смелых и упорных работниках Советского Севера,—о моряках, летчиках, врачах, радистах. Отражена также жизнь и быт народов Севера.

Полгода Всесоюзной пушкинской выставки

16 августа исполнилось полгода со дня открытия в залах Государственного Исторического музея в Москве Всесоюзной пушкинской выставки, организованной по решению правительства в ознаменование 100-летия со дня смерти величайшего русского поэта.

Пушкинская выставка пользуется огромной популярностью. Десятки экскурсий из отдаленнейших районов Союза приезжают в Москву специально, чтобы побывать на выставке. В огромных залах ее можно встретить и загорелого хлопкороба из Таджикистана, и коренастого ненца с далекого Таймырского полуострова.

За 6 месяцев на выставке побывало свыше 325 тысяч человек, ее осмотрели 4500 экскурсий.

Всесоюзная пушкинская выставка продолжает пополняться все новыми и новыми экспонатами и материалами.

Тысячи советских граждан присылают на выставку свои добровольные взносы — книги, картины, скульптуру, различные материалы, связанные с Пушкиным.

Значительно пополнился отдел «Пушкин и мировая литература». Через ВОКС, союз писателей и другие организации были получены юбилейные издания произведений Пушкина, книги, журналы. Поступили также материалы из Франции, Англии, США, Чехословакии, Швеции, Италии, Турции и других стран. Кроме того получены многочисленные материалы, характеризующие широкий размах юбилейных пушкинских празднеств за границей, интерес широких читательских масс за рубежом к творчеству великого поэта.

Отдел «Пушкин на языках народов СССР» пополнился новыми книгами. За последнее время выставка получила новые переводы произведений Пушкина на языках армянском, татарском, белорусском, кабардинском и балкарском, украинском, болгарском и польском. Следует отметить значительное улучшение полиграфического и художественного оформления этих изданий.

В зале детского творчества помещен макет-игрушка «Сказка о рыбаке и рыбке», работы студентки Загорского художественного техникума Шафрановой.

Отдел кино пополнился новым диафильмом «Рукописи Пушкина».

Палехский мастер Турин прислал художественно выполненную пластину «Граф Нулин».

Выставлены также портреты переводчиков Пушкина на языки национальностей Советского Союза.

Большой интерес представляют огромные фолианты отзывов посетителей Пушкинской выставки.

Сотни обстоятельных записей настаивают на превращении выставки в постоянный Всесоюзный пушкинский музей, на переводе Пушкинского дома Академии наук Союза ССР в Москву и слиянии его с выставкой. Многие посетители считают необходимым сосредоточить в этом музее не только богатейшие пушкинские материалы, но сделать его центром пушкиноведения, изучения бессмертного наследства великого поэта.

ДИН.

Литературная жизнь на московских заводах

Литературный коллектив завода им. Фрунзе пишет к двадцатой годовщине Великой пролетарской революции пьесу «Мотор». Ее сюжетный стержень — изготовление нового мотора для самолета, который должен полететь по Сталинскому маршруту. В пьесе показаны рост новых рабочих кадров, их производственный быт, борьба с классовым врагом и т. д. Идея пьесы: все рабочие завода должны работать так же четко и хорошо, как созданный ими замечательный мотор.

На том же заводе проводится **конкурс на лучшую массово-революционную песню** к двадцатой годовщине Великой пролетарской революции. В жюри конкурса вошли и представители союзов советских писателей и композиторов.

★

В юбилейные пушкинские дни на Электрозаводе им. Куйбышева начал работать коллектив рабочих-рецензентов. Члены этого коллектива выступали с докладами на читательских конференциях и со статьями в многотиражке о Пушкине, а затем о Горьком.

Активно работают они и в настоящее время над статьями и рецензиями. Комплектовщик электромашин т. А. Панферов поместил в заводской газете от 10 августа большую рецензию о повести А. Первенцева «Кочубей». Шлифовщик роторной мастерской А. Малюга написал рецензии об «Одноэтажной Америке» Ильфа и Петрова, о повести В. Курочкина «Мои товарищи», о «Закономерности» Н. Вирта, о романе Ф. Панферова «Творчество» и др. Сейчас т. Малюга готовит две большие статьи: «Обзор советской литературы за 1936—1937 г.» и «Обзор работы издательств». В последней статье он говорит о неполадках в работе наших издательств с точки зрения рабочего-читателя.

★

В библиотеке завода «Мастяжарт» устроена выставка художественной литературы, отражающей жизнь наших героев-летчиков.

В цехах проводятся беседы и читки повестей и рассказов об авиации.

— Молодежь завода, — говорит сотрудница заводской библиотеки т. А. И. Колоколкина, — требует художественную литературу, посвященную авиации. Эти книги никогда не стоят на полках. Особенно хорошо читаются: «Мечта пилота» — М. Водопьянова, «Моя биография только начинается» — Н. Каманина, «Хочу быть летчиком» — Н. Боброва.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

«Правда» в статье «Дела издательства «Молодая гвардия» разоблачила врагов, пробравшихся в издательство, чтобы «распространять духовный яд, отравлять сознание молодых людей советской страны».

Эта статья дала мощный толчок развитию в издательстве критики и самокритики.

На общем собрании работников издательства, когда его бывший директор Лещинер уже не мог зажимать самокритику сотрудников, последние вскрыли создававшуюся им атмосферу вероломства и обмана.

Помимо того, что «руководители» «Молодой гвардии» саботировали издание книг, необходимых для большевистского воспитания молодежи, средства издательства тратились на выпуск вредной литературы.

Для переиздания книги «Рожденные бурей» в издательстве нехватило бумаги, но для вредной книги «Казачья клятва» Верховского бумага нашлась и притом хорошая. Мало того, уже после запрещения этой книги издательство выпустило ее тираж на рынок. Когда сотрудница т. Долгова пришла к Лещинеру поговорить об этом безобразном факте, он ее не принял. Об этом рассказала собранию сама т. Долгова.

Лещинер и Вальберг — секретарь парткома — покрывали действия людей, орудовавших в издательстве, защищали бездельников, подкармливали их из государственной кассы.

Все это в благодарность за лесть и подхалимскую преданность.

Финансовое положение издательства оказалось весьма напряженным.

План сдачи продукции выполнен только на 46 процентов, типография недооборудована, редакционный портфель переполнен плохо выполняемыми договорами.

Общее собрание, признав статью в «Правде» правильной, наметило ряд мер для оздоровления издательства.

Не чувствуется еще твердой направляющей руки в работе редакционного сектора. Наиболее интересные книги, которые должны выйти во втором полугодии, не сданы еще в производство. Из намеченных планом к выпуску **54** названий в редакцию поступили **только 14** рукописей.

Отдел оформления до сих пор не укомплектован.

Явно невыгодные для издательства договоры не расторгнуты.

Мало что сделано для оздоровления финансов.

Надо мобилизовать все силы для реализации постановлений партийного и общего собраний работников издательства «Молодая гвардия».

ГОМОВ

«Историческая окаменелость»

Кабинет начинающего автора Профиздата

Литературно-массовая и литературно-воспитательная работа в издательствах поставлена крайне неблагополучно. База литературно-массовой работы непрерывно, под теми или иными благовидными предлогами, сокращается.

Кто не помнит, как несколько лет назад Профиздат шумел по поводу организации учебы и труда рабочего автора. Какие широковещательные обещания давались при этом.

Сейчас от этого периода, кроме тощей серии книжек,—в Профиздате сохранилась только некая «историческая окаменелость» — кабинет начинающего автора. Этот кабинет, кстати сказать, имеющий филиалы в Ленинграде, Киеве, Ростове-на-Дону и Баку, был организован в 1931 году с очень широкими задачами.

Однако на деле ни одна из этих задач решена не была. И только в конце 1936 года руководительница Профиздата т. Лернер удосужилась начертать «Положение о кабинете».

Вот как выглядит «плод» этого раздумья.

«Кабинет,—пишет т. Лернер в «Положении»,—имеет целью обучить, воспитать и выращивать молодых начинающих авторов и создать вокруг издательства широкий авторский коллектив из наиболее талантливых авторов, работающих в плане очерковой и фольклорной литературы по тематике издательства».

Таким образом кабинет начинающего автора при Профиздате из органа, мечтавшего руководить всем массовым литературным движением, был низведен в ранг школы фабрично-заводского ученичества. Луговскому и Огневу, которые руководили в кабинете семинарами, первый — поэтическим, второй — прозаическим, было предложено переселиться в Гослитиздат.

Так закончился «флирт» Профиздата с рабочим автором. Но что же дает Профиздат хотя бы тому узкому кругу начинающих авторов, которые избраны Профиздатом для «воспитания и выращивания»?

Таких избранников к началу 1936—37 года насчитывалось 42 человека, сейчас их меньше — 35 человек. Этот «широкий авторский коллектив» «обучается, воспитывается и выращивается» кабинетом начинающего автора путем организации литературной и политической учебы, главным образом, по лекционной системе.

О качестве и фундаментальности этой учебы можно судить по следующим данным: за весь 1936—37 учебный год по курсу «Основные законы диалектики» состоялись одна лекция и одна беседа; весь курс русской литературы состоял из 16 занятий, в течение которых галопом были пройдены следующие темы: Пушкин, Грибоедов и декабристы, Лермонтов, Гоголь, Белинский, Гончаров, Чернышевский, Некрасов, Салтыков-Щедрин и Тургенев.

Справедливость, однако, требует отметить, что наряду с этим кабинет начинающего автора продолжает консультационную работу с теми авторами, которые по старой памяти еще стучатся к нему. Правда, таких наивных простаков становится все меньше: если в прошлые годы в кабинет ежедневно поступало не меньше десятка рукописей, то за пять месяцев текущего года поступило всего 57 рукописей.

С поэтами разговор короток: их отсылают в литературную консультацию Гослитиздата. Литконсультация Гослитиздата в свою очередь решительно отмежевывается от поэтов чужого ведомства.

В ответ на пересылку стихов поэта Зарина заведующий массовым отделом Гослитиздата прислал разгневанное письмо, в котором пишет:

«Безотносительно от этого (?) мы вообще считаем неправильным пересылку от одного издательства к другому каких-либо рукописей, не представляющих интереса для печати, даже, если характер рукописи не подходит к типу литературы, выпускаемой данным издательством»(?)

Эту установку поддержал и сам руководитель Гослитиздата т. Накоряков.

В отличие от поэтов, прозаики продолжают получать консультации непосредственно от кабинета начинающего автора, который, очевидно, полагает, что, если в поэзии он не умудрен, то проза — дело не сложное. В качестве консультантов выступают зав. кабинетом начинающего автора Орлова и некий член союза советских писателей Медынский.

Вот образцы даваемой ими консультации.

Товарищ Орлова пишет начинающему автору т. Митину:

«Вообще вы пишете довольно грамотно, но язык довольно обыденный. Нет ни одного слова впечатляющего, запоминающегося».

Что может извлечь молодой автор из этого «совета» кроме того, что писать нужно не просто, а непременно особыми «впечатляющими» словами?

«Я прочитала вашу рукопись, — пишет Орлова другому автору, — не только с интересом, но даже с волнением. Очень искренно и правдиво описано детство Василия Кузьмича».

Казалось бы, можно поздравить консультанта с такой редкой находкой.

Но вслед за тем «взволнованная» Орлова холодно цедит: «Я очень советую вам поработать над этим материалом как следует и написать хорошую книгу».

Спрашивается, зачем же лишать читателя хорошего волнующего рассказа ради неведомой и гадательной книги!

Но если т. Орлова обычно отделывается такого рода резонерскими отписками, то консультант т. Медынский дает гораздо более красочные отзывы, написанные с темпераментом и литературным «блеском».

Молодому автору т. Дьяченко, показывающему в своем рассказе незаметного героя, Медынский раз'ясняет, что это — попытка «опорочить романтику героизма».

«...Принципиально, — философствует Медынский, — герой Буров, мечтающий о геройстве как высшей форме служения своему классу и благодаря технической подкованности и идейной сознательности в любую минуту готовый к героическому поступку, разве не будет выше рядового человека — Бурова, стихийно сделавшегося героем».

«Критическая подкованность» Медынского обратно пропорциональна его развязной и малограмотной болтливости.

Когда же, наконец, будет серьезно поставлен вопрос о работе с начинающими авторами, об улучшении литературно-массовой работы, о решительном отстранении от этого дела «охочих» людей, лишенных элементарной культуры и литературной грамотности.

Нужно решительно ударить по делячеству и ведомственно-потребительскому подходу к воспитанию молодых литературных кадров со стороны издательских центров.

Позволительно, наконец, спросить и культотдел ВЦСПС: интересовался ли он когда-либо вопросом — как живет и работает кабинет начинающего автора при Профиздате?

С. ИППОЛИТОВ

Книжки Детиздата

В ближайшие дни появятся в продаже новые книги, выпущенные ленинградским отделением Детиздата ЦК ВЛКСМ.

Сказки Андерсена вышли повторным изданием с иллюстрациями В. Конашевича.

«Почта» Маршака издана в новом художественном оформлении, с рисунками М. Цехановского. Это тринадцатое издание «Почты» выпущено 100-тысячным тиражом.

Вторым изданием, 25-тысячным тиражом выпущена повесть **Марка Твэна «Принц и нищий»**, переведенная с английского К. и Н. Чуковскими.

Многие из нас помнят с детских лет прекрасную книжку В. Буша о шалунах Максе и Морице. Детиздат выпустил теперь книжку **В. Буша «Плих и Плюх»** с рисунками автора, в вольном переводе Даниила Хармса. Макса и Морица заменяют Пауль и Петер, и книжка рассказывает малышам о забавных приключениях двух собачонок.

Предупреждение Петру Орешину

Бюро секции поэтов союза советских писателей вынесло решение по поводу антиморального поведения поэта Петра Орешина в Доме отдыха Литфонда в Гаграх (см. письмо в редакцию ряда писателей в № 41 «Литературной газеты» от 30 июля 1937 г.).

Бюро секции об'явило Петру Орешину за антиморальное хулиганское поведение, позорящее звание советского писателя, строгий выговор и предупредило его, что повторение подобных поступков поставит Орешина вне рядов советской литературы.

Поправка

В прошлом номере «Литературной газеты» в заметке «Разговор с писателем Бабелем» допущена опечатка: вместо «Писатель Илья Бабель» следует читать—«Писатель **Исаак Бабель**».

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.
РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.
Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Уполномоч. Главлита В—32123. Типография газ. «За индустриализацию». Москва, Цветной бульвар, 30.